

Клуб любительниц грязных книг

Автор:

[Лизи Харрисон](#)

Клуб любительниц грязных книг

Лизи Харрисон

Жизнь Эм Джей прекрасна: она редактор модного журнала, ее жених красавец доктор. Но глаза у нее открываются, когда она переезжает в солнечную Калифорнию и знакомится с Глорией, своей немолодой соседкой. Та приглашает Эм Джей и еще нескольких женщин в давно образованный ею с подругами клуб, где они читают самого разного рода «грязные» книги – от «Пятидесяти оттенков серого» до «Генри и Джун», от «Любовника леди Чаттерлей» до «Прекрасного подонка». Для многих эти встречи станут роковыми, а кому-то откроют дверь в новую жизнь...

Лизи Харрисон

Клуб любительниц грязных книг

LISI HARRISON

The Dirty Book Club

Сцены употребления алкоголя и курения являются художественным приемом, позволяющим передать дух времени и характеры героев. Автор и издатель осуждают данные действия и подчеркивают их вред для здоровья человека.

The Dirty Book Club © Karin Lips / Trevillion Images

© Алексей Толмачев, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

* * *

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ КНИЖНОМУ КЛУБУ:

КЕЛЛИ НИМАН БЭЙЛИ, МИШЕЛЬ МАНИАЦИ,

ЛИЗЕ РОДАРТЕ, ШИН-ЛИН САН,

ИРЕБЕККЕ РОТЛИБ (ДОКТОР МЕДИЦИНЫ)

МЫ ПРОШЛИ ДОЛГИЙ ПУТЬ

Справочник для домохозяек по избирательному промискуитету

Глава первая

Перл-Бич.

Пятница, 18 мая 1962 г.

Полнолуние

Если бы Глория Голден была честна, то призналась бы, что устраивает вечеринки по пятницам вовсе не для того, чтобы в очередной раз насладиться недавно отремонтированной кухней. Не были они и поводом лишний раз встретиться с Дот, Лидди или Марджори, поскольку настоящим друзьям не нужны поводы. Честная Глория призналась бы, что эти еженедельные посиделки были единственным островком стабильности в ее жизни и что каждый раз она нервно постукивает пальцами по столешнице только потому, что слишком многое утратит для нее смысл, если подружки подведут и не приедут. Но молодая красивая женщина, у которой был успешный муж, здоровый малыш и прекрасно обставленный дом на берегу океана, не имела ни одного повода считать себя обделенной. Ни тогда, когда ей делали комплименты и сравнивали с роскошной блондинкой Энн-Маргрет. Ни тогда, когда она слышала о голодающих в Конго детях. Поэтому Глории и не в чем было признаваться.

Когда подружки приехали (они всегда приезжали), постукивания по столешнице сменились звоном посуды «Тапервер» и записями Нила Сedaки, проигрываемыми на «Магनावоксе».

– If you're feeling low down 'cause your baby's left town, – пели они, держа ложки вместо микрофонов и кружась по полу, выложенному дорогой испанской плиткой, как танцовщицы из «Шоу Эда Салливана», – get out and circulaaaaaaaaaate...

Веселая и покрасневшая после приготовления ужина Глория подошла к детскому манежу в гостиной.

– Майкл мог бы проспать даже концерт Элвиса, – сказала она о своем спокойном сыне.

Одновременно раздался телефонный звонок, и ребенок расплакался.

– Кто это? – прошептала Марджори, как будто все они были еще робкими первокурсницами, а не взрослыми 22-летними женщинами.

– Лео, – произнесла одними губами Глория. Она заметила свое отражение на стеклянной дверце большой газовой плиты. Концы ее медово-белых волос поникли; она встряхнула прическу, чтобы пряди больше напоминали по форме

английскую букву «J».

Глория расцвела при мысли о муже, как бутон розы при свете солнца. И было не важно, что он звонил из своего офиса, который был всего в 55 милях от нее в Лос-Анджелесе. Она сразу представила его черные волосы и темно-синие глаза, ощутила его дыхание с легким ароматом бурбона и почувствовала его прикосновение. Это прикосновение. Оно буквально переполняло ее душу бесконечно нарастающими звуками музыки и взрывало яркими огнями изнутри. Как будто сам Уолт Дисней впрыскивал ей в вену мелодии из мультфильма «Фантазия».

– Чего он хочет? – спросила Лидди, вскинув густые брови.

Глория пожала плечами. Она надеялась, что восемнадцать месяцев бесконечных разъездов Лео в интересах студии «Парамаунт» наконец-то подошли к концу и его работа будет хорошо оплачена. Что его оценили по достоинству и повысили. Что теперь они смогут переехать в Беверли-Хиллз, общаться с заумными интеллектуалами и летать по всему миру на своих самолетах. Не так, как это делает Марджори – стюардесса авиакомпании TWA, а как это надлежит делать: всей семьей и в костюме Джеки Кеннеди.

– Хорошие новости, детка, – сказал Лео. Он затянулся сигаретой и выдохнул. – Я только что обедал с одной актрисой из «Завтрака у Тиффани», и ты, драгоценная, стала обладателем бесценного автографа: «Глория, мои наилучшие пожелания. Одри Хепбёрн».

– Отлично, – ответила Глория, накручивая провод телефона вокруг пальца. – Во сколько ждать тебя и мой автограф на ужин? Я готовлю твое любимое...

– Как раз об этом...

Глория перестала улыбаться. Только не это, подумала она. Пожалуйста, нет.

Но Лео ничего не мог поделать. Он должен был очаровать очередную упрямую старлетку и убедить ее подписать контракт. Ужин... алкоголь... все что угодно, лишь бы контракт был готов к понедельнику.

Майкл плакал все отчаяннее.

– Это значит, ты опять ночуешь в отеле «Балтимор»?

Лео чиркнул спичкой:

– Извини, детка.

Как обычно, Глория сказала, что все понимает. Только услышав гудки на другом конце провода, она по-настоящему впала в отчаяние.

Сначала она хотела рассказать подругам правду: что Лео две ночи не был дома и она безумно одинока. Они выкурили бы по сигарете и утешили бы ее точно так же, как делали это прежде в колледже, если Лео слишком увлекался водным поло и забывал позвонить. Но мисс Матримония, ведущая в журнале «Ladies` Life» колонку, посвященную браку, категорически запрещала это делать.

Дорогие женушки, написала она однажды. Напоминаю всем любительницам совать свой нос в чужие дела. Ваши мужья нисколько не сомневаются, что имеют право на личную жизнь, несмотря на женитьбу. Если вы действительно хотите позаботиться о своей семье, то пересмотрите фильм «Веселая вдова». Заплатив 16 долларов и 50 центов, вы немедленно почувствуете, как становитесь более стройными и подтянутыми. Да, можете не благодарить за совет.

– Что произошло? – спросила Дот, мило надув свои пухлые губы. – Все в порядке?

– Лео сказал, что думает только обо мне. Это все. – Глория через силу улыбнулась. – Начинайте без меня, красотки. Скоро вернусь.

Дот и Лидди удалились с тарелками на террасу, а Марджори, не терпевшая командный тон, улеглась на диване и скрестила босые ноги. Ее высокая грудь часто вздымалась, едва помещаясь в декольте.

– Почему он все-таки позвонил?

Глория хрустнула сельдереем:

– Я же сказала.

Марджори вздохнула. Один из ее роскошных каштановых локонов на мгновение замер на щеке.

– Я знаю, как тебя разговорить. – Она вскочила на ноги и начала осматривать шкафчики. – Где же ты прячешь бутылку «Смирнова»? – спросила Марджори, как будто хозяева могли хранить водку среди фарфоровой посуды «Ленокс».

– Водка? Сейчас 11:30 утра!

– Ого, материнство не всем добавляет ума, – обратилась Марджори к несуществующей аудитории. Затем, взглянув еще раз на висящие на стене часы, она с недовольным видом пересекла кухню и перевернула их. – Теперь правильно. Пять часов. Было бы неплохо найти вермут и оливки, раз уж я здесь. Люблю коктейль «Грязный мартини». – Она взяла тарелку с купленным в магазине салатом, толкнула своим роскошным задом дверь и вышла на террасу.

Подруги сидели за столом на своих обычных местах: Марджори во главе, Дот и Лидди по краям. Для Глории они оставили ее любимое «заднее» место.

Обычно к ужину последние лучи уходящего солнца еще освещали морскую гладь, однако на этот раз плотный туман, похожий на клубы сигаретного дыма, окутал пальмы и полностью скрыл вид на океан.

– Кто хочет пить? – спросила Глория с таким видом, как будто предлагала газировку, а не водку с вермутом, уже разлитую по хрустальным бокалам для мартини.

– Наконец-то, – сказала Марджори. – Давайте поскорее надеремся.

Дот ахнула:

– До первой звезды?

Лидди схватила пальцами крестик, который носила на шее с 12 лет:

– Ты можешь хоть иногда быть серьезной?

– Mon Dieu! – воскликнула Марджори, накануне вернувшаяся из первого трансатлантического рейса в Париж. – Да все французы пьют во время обеда и ужина.

Хвостик Дот упрямо дернулся из стороны в сторону.

– Бизнесмены, но не леди.

– Все, – настаивала Марджори. – Тебе надо хоть иногда выезжать за пределы своего городка.

Дот показала язык.

Марджори стремительно ущипнула его.

– Хватит уже. Не ведите себя как дурочки, – сказала Глория, раздавая бокалы.

Лидди сделала глоток ледяной воды:

– Мы не дурочки.

– О, да! Конечно, извини, но ты носишь на голове розовый платок.

– Как ты смеешь так со мной разговаривать?

Марджори поцеловала Лидди, оставив на ее щеке ярко-красный отпечаток своих губ:

– Ты же знаешь, как я люблю тебя, Лидди, но ты еще более скромна и зажата, чем блузка Дот и рот Глории, вместе взятые.

Дот поправила глухой воротничок:

– Закрытая блузка – это модно.

Глория внимательно изучила отражение своих губ на лезвии ножа:

– Что не так с моим ртом?

– Он всегда на замке.

– На что ты намекаешь?

Лидди и Дот переглянулись и заурчали, как кошки.

Это был их тайный знак, придуманный еще в колледже для выражения одобрения. Вначале они шутливо мяукали, но в итоге остановились на кошачьем урчании.

– Это уже наскучило, Гло, – сказала Марджори, накладывая салат с макаронами в тарелку.

– Что именно?

– Да все твои отговорки вроде «Я не обсуждаю Лео».

– Мы женаты! Мы отмечаем кожаную свадьбу через два месяца.

– И что с того?

– Да то, что быть мужем и женой в течение двух лет и десяти месяцев это совсем не то же самое, что просто встречаться в колледже. Я должна хранить его личную жизнь в тайне.

– От нас?

– Ото всех.

– Кто это сказал?

– Не кто, а кому.

– О господи, Дотти, перестань меня поправлять.

– Какой ужас, Марджори. Не поминай имени Господа всуе.

– Я уверена, что он тоже ничего не рассказывает обо мне, Лидди.

Подружки одобрительно заурчали.

– Хорошо. – Глория отодвинула тарелку в сторону. – Ты хочешь знать, почему звонил Лео?

Девушки наклонились к столу. К их удивлению, Глория залпом выпила свое мартини.

– Он взял для меня автограф у Одри Хепбёрн и захотел об этом рассказать. Только и всего.

Марджори сочувственно положила руку на коленку Глории:

– Дорогая, даже я понимаю, как много значат автографы, хотя и витаю в облаках три дня в неделю.

– А я не понимаю.

– Это значит, что Лео не приедет сегодня домой.

Глория зажгла сигарету.

– Каждый раз, когда Лео остается в Лос-Анджелесе по работе, – Марджори выделила «по работе», – он привозит чей-то портрет с автографом. Джанет Ли, Дебби Рейнольдс, Тони Кертис, а теперь Одри. Как ты думаешь, почему?

Глория непонимающе помотала головой.

– Он хочет загладить вину. – Марджори прикоснулась указательным пальцем к большому и поместила в образовавшееся кольцо коктейльную трубочку.

– Ты полагаешь, что мой муж...

– Марджори ничего не полагает, – вмешалась Дот. – Она неудачно выразилась и допустила один из возможных вариантов. Не так ли, Марджи?

– Нет, я полагаю.

Глория с угрожающим видом затушила сигарету:

– Нет никаких вариантов. Лео закрывает важный контракт, это все. – Она подняла тарелку с фаршированными яйцами и протянула ее Лидди: – Их надо съесть, пока не засох майонез.

Тарелка прошла по кругу и вернулась на место.

– Итак, – с энтузиазмом хлопнула в ладоши Дот, – у кого-то завтра вечером свидание с Патриком Флинном.

Лидди зарделась.

– Это ничего не значит, – сказала она. – Мы просто ходим в одну церковь.

– Я слышала, он хочет стать пастором.

– Полагаю, еще больше он хочет забраться ей под юбку, – поддразнила ее Марджори.

– Обещай, что не наденешь это старое васильковое платье.

– Что с ним не так?

– Оно просто отвратительно. На нем катышков больше, чем прыщей у Ленни Гузмана.

Все разом заурчали.

– Тебе двадцать два года, Лидди, – продолжила Дот. – Почти всех достойных мужчин давно расхватали, и Патрик может стать неплохой кандидатурой. Позволю себе предположить, что о таком муже мечтают все девушки в округе. Ты заметила, сколько людей было в церкви в прошлое воскресенье?

Лидди молча сидела, сложив руки на груди.

– Прекращайте. – Глория умчалась в дом и вернулась с последним номером журнала «Ladies' Home Journal». – Что скажете об этой мандариновой сорочке? Почти такую же носила Жаклин Кеннеди во время своего визита в Индию.

Лидди закуталась в шарф:

– Оранжевый снова в моде?

– Сексуально, да?

– Он глубоко верующий человек, а не владелец ночного клуба.

Доти взяла журнал и внимательно изучила фотографии: – Ничего особенного. Я тоже могу оголить шею, если тебе так угодно.

Марджори пожала плечами:

– Тебе нужен не просто вырез, а глубокое декольте. Покажи ему чуть больше своей кожи, и он больше никогда ни на кого не позарится. Кроме меня, конечно, – добавила она ехидно.

– Патрику это неинтересно.

– Дорогая моя, все мужчины обожают декольте.

– Ты хочешь поспорить с Библией? – уточнила Лидди. – Послание к Тимофею 2:9-10.

– Не могу сказать, что я хорошо знакома с этой книгой, – сказала Марджори.

Дот потянулась за своей сумкой и извлекла из нее книгу, напоминавшую своими размерами толстенные школьные учебники по истории Америки. На белой глянцевой обложке, больше похожей на свадебное приглашение, было выведено золотыми буквами: «Пособие по хорошим манерам для современных женщин», автор Элис Иден. Дотти перелистнула пару страниц и начала читать книгу вслух с едва уловимым британским акцентом, несмотря на то что она, как и миссис Иден, была американкой.

– Внимание, цитата: «Приличной девушке следует надеть на свидание свое лучшее платье: скромное и соответствующее ее возрасту. Молодой человек хочет увидеть вас такой, какая вы есть, и не ожидает, что вы будете выглядеть как пожилая дама или доступная юная особа».

– Ты носишь этот кирпич в своей сумочке? – поразились Марджори.

– Я помолвлена с Робертом. – Голубые, глубоко посаженные глаза Дот засияли. – Мне надо знать, что делать дальше.

– О, боже! – Марджори демонстративно схватилась за голову. – Библия, Пособие... Это всего лишь сборники занудных правил, а не интересные книги.

– Я люблю правила, – ответила Лидди.

Дотти и Глория согласно кивнули.

– Людей учит опыт, а не правила. – Марджори подняла бокал с мартини. – Да здравствует Франция!

– Слишком много Франции. Что в ней такого особенного?

– Француженки не боятся попасть в ад, остаться незамужними, и еще им наплевать на распускаемые о них слухи. Они делают что хотят, когда хотят и с кем хотят. Нас разделяет всего 5652 мили. – Марджори закурила «Галуаз», наполнив комнату едким дымом. – У них даже сигареты без фильтра.

Лидди отмахнулась от дыма.

– Во вторник я снова лечу через океан. Давайте со мной. Сами убедитесь.

Лидди в очередной раз уцепилась за крестик:

– Я точно не полечу туда.

Марджори повернулась к Дот:

– А ты?

– Я помолвлена.

– У меня ребенок, – добавила Глория, сомневаясь, что Лео вообще заметит ее отъезд.

– Тогда я подожду.

– Подождешь? – спросила Глория. – Чего?

– Когда дети вырастут, а твой муж умрет. Как только наступит этот день, мы все вместе улетим.

– А если мы помрем раньше наших мужей? – Язык Глории заплетался после водки.

– Исключено, – заявила Марджори. – Мужчины приходят первыми, мужчины уходят первыми. Это факт.

Они взяли паузу, чтобы понять услышанное.

– Девочки, кто со мной? – спросила Марджори. В ее глазах блеснула надежда.

Дот уставилась в небо:

– Сегодня полнолуние. Ты поэтому прикидываешься сумасшедшей?

– Она не прикидывается, – сказала Лидди.

Глория рассмеялась:

– Отличная идея, при условии, что мы действительно когда-нибудь овдовеем.

Подружки согласно кивнули, справедливо полагая, что план «Б» лучше, чем полное отсутствие планов.

– Великолепно! Заявляю официально, – сказала Марджори.

Не дожидаясь ответа, она прикурила сразу четыре сигареты и быстро раздала их, не давая никому опомниться.

С таким же решительным видом она убеждала их еще в шестом классе попробовать украденный у родителей виски или набить перед дискотеккой бюстгалтеры колготками. Марджори всегда была их гамельнским крысоловом. «Вас никогда не поймают, если будете слушать меня», – говорила она своим чарующим голосом.

– Я, Марджори Шеннон, – начала она, – объявляю о вступлении в силу пакта № 33. С этого дня....

– Стоп! – Дот раскрыла записную книжку. – В соответствии с пактом № 33 мы обязались не слушать группу «The Beach Boys». Следующий пакт должен быть № 34. Начинай заново.

– Я, Марджори Шеннон, объявляю о вступлении в силу пакта № 34. Сегодня, 18 мая 1962 года, мы торжественно клянемся переехать во Францию, когда наши дети вырастут, а мужья дадут дуба. В знак согласия затянитесь сигаретой.

Девушки послушно затянулись.

– Пусть пакт № 34 вместе с дымом проникнет в самые потаенные уголки наших душ, где будет жить вечно.

Они задержали дыхание на 15 секунд (именно столько времени требуется, чтобы пакт нашел эти самые потаенные уголки).

Четыре одновременно выпущенные струи дыма слились в одну и растворились в воздухе.

– Пакт № 34 заключен, – хором сказали подруги.

– Пришло время раздать подарки, – объявила Марджори, которая никогда не забывала привозить сувениры из своих путешествий. Она извлекла из гигиенического бумажного пакета с фирменным логотипом TWA ключи на цепочках и торжественно вручила их подругам. – Я их стащила из отелей, в которых жила.

Пока они рассматривали подарки и разбирались с застежками, Марджори с многозначительным видом положила на стол тонкую зеленую книжку в мягком переплете. На ничем не примечательной обложке были только заглавие, набранное незатейливым черным шрифтом: «Справочник для домохозяек по избирательному промискуитету», – и имя автора – Рей Энтони.

– Это то, мои дорогие, что я называю действительно хорошей книгой.

– Что это? – спросила Лидди.

– Я приобрела это в Париже.

– Сифилис?

Все одобрительно заурчали и склонились над тарелками «Ленокс», чтобы повнимательнее рассмотреть книгу.

– Это дневники молодой девушки по имени Рей, у которой было очень много вопросов о сексе, но никто не мог на них ответить, поэтому она начала втайне от всех читать грязные бульварные газетенки.

– И что с того? – спросила Дот.

– Она мастурб...

– Марджори! – шикнула Глория, кивая в сторону соседнего дома. – Не так громко.

– И ее поймали на этом? – уточнила Лидди, уши которой немедленно покраснели.

– Нет. Но она стала сексуально озабоченной маньячкой. Вы только послушайте: «Я целовала его тело, живот, пенис, яички...»

Дот взяла книгу, поместила ее между страниц своего «Пособия по хорошим манерам для современных женщин» и, смущаясь, подняла руку:

– Вопрос.

– Да?

– Ее муж хотел, чтобы его целовали в этих местах?

– Ее муж ни о чем не догадывался, – ответила Марджори. – Она занималась этим со своим доктором. Рей не верила в моногамию. Она считала ненормальным жить с одним мужчиной всю жизнь, и я с ней полностью согласна.

– Она просто циркулирует, – процитировала Глория Нила Седаку.

– Она вульгарна.

– Просто секс, Лидди, – обратилась Марджори к оставшемуся на щеке Лидди следу помады.

– Совершенно верно. Только необязательно писать об этом книгу.

– Почему бы не поделиться хорошим рецептом, как это делают все девушки? Я имею в виду, зачем вы раскрываете свои кулинарные секреты?

– Узнать что-то новое.

– Убедиться, что мы делаем все правильно.

– Стать лучше, наконец.

– Книга именно об этом, – сказала Марджори и закурила сигарету. – И не вздумайте меня учить или рассказывать сказки. – Затем она обратилась к Дот: – Если ты думаешь, что Роберт предпочтет, чтобы ты читала кулинарную книгу вместо этой, – Марджори покрутила веточкой укропа во рту, – тогда ты напилась гораздо сильнее, чем может показаться. И еще. Глория, повтори то, что делала Рей на странице 126, и Лео никогда больше не останется на ночь в отеле «Балтимор». – Потом она повернулась к Лидди: – Рей делала это даже с женщинами.

– Почему ты смотришь только на меня, когда речь заходит о лесбиянках?

– Не знаю, – ухмыльнулась Марджори. – Почему ты начинаешь защищаться?

– Что еще попробовала Рей? – спросила Глория. Вдруг Марджори права? Что, если благодаря этой книге научиться чему-то, что заставит Лео чаще появляться дома?

Довольная Марджори приподняла бровь:

– Я могу прочитать вслух. Если вам понравится, то расскажу о других книгах.

– И сколько их? – спросила Доти.

– Если читать в каждое полнолуние, то хватит до переезда в Париж. Мы можем открыть свой собственный Книжный клуб.

– Роберт это не одобрит.

– Это клуб грязных книг, Доти. Его никто не одобрит, – сказала Глория, представив, что подумают соседи о молодой матери, если узнают, чем она интересуется, пока спит ребенок.

– Правило номер один. Никому не рассказывай о клубе.

Закрыв глаза, Лидди начала молиться, заранее раскаиваясь в будущих грехах.

– Второе правило. Право мужа на частную жизнь не может и не будет уважаться, – добавила Марджори. – Мы должны рассказывать абсолютно обо всем, как раньше в колледже.

– Я думала, что ты не соблюдаешь правила, – шепнула Доти, прилежно записывая правила в блокнот.

– Чужие правила, – сказала Марджори с игривой ухмылкой. – Но не свои.

Дот открыла новую страницу ежедневника.

– Как же мы назовем пакт № 35? – спросила она, делая пометки в блокноте.

– Книжный клуб, – сказала Марджори, заговорщицки подмигнув Глории.

Затем она прикурила еще четыре сигареты, скрепила новый пакт и начала читать «Справочник по избирательному промискуитету для домохозяек».

Так была заложена традиция, которую они соблюдали 54 года.

Страх полета

Глава вторая

Нью-Йорк.

Наши дни. Четверг, 31 марта.

Убывающая луна

Эм Джей Старк открыла холодильник «Sub-Zero», внутри которого продуктов было меньше, чем градусов по Цельсию. Она достала бутылку просекко, хлопнула дверцей и, шаркая носками по паркетному полу, двинулась в обратный путь по трехсотметровой квартире вдоль пустых книжных полок и никогда не горевшей неоновой вывески «Ни о чем не жалею».

Бедненькое просекко, думала Эм Джей, свернувшись в углу дивана и выключив звук телевизора, по которому шел очередной выпуск «Проект подиум». Легкое, сексуальное, игристое вино было создано в Италии явно не для того, чтобы его пила перед телевизором отчаявшаяся женщина в застиранной толстовке и шелковых трусах одного из своих бывших парней. Оно было предназначено для гламурных моделей, веселящихся на очередной Неделе моды. Для шипения в бокалах на берегу Средиземного моря. Для хихикающих молодых красоток, пахнущих дорогими духами.

Увы, но колесо Фортуны не интересуется предназначением просекко. Оно вращается и останавливается по своему усмотрению, и поэтому просекко оставалось только смириться со своей участью.

Эм Джей подняла с циничной ухмылкой бутылку и отпила прямо из нее. Вместе с алкоголем уходили страдания. Этот глоток был похож на последний вздох смертельно раненного солдата, выпускающего дух на поле боя.

Неожиданно задергалась ручка входной двери. Едва сдерживая дыхание, Эм Джей прислушалась к звукам, которые заглушались биением сердца.

Здравый смысл подсказывал, что, вероятно, это соседи из квартиры № 5F, которые постоянно подкладывают под дверь письма с предложением купить ее апартаменты. Эм Джей неизменно отвечала отказом, но это мало помогало.

– Кто там? – спросила Эм Джей дрожащим голосом. В ответ раздался щелчок открывающегося замка.

Дверь со скрипом отворилась и, резко дернувшись, осталась полуоткрытой, сдерживаемая дверной цепочкой.

Трясущимися от страха руками Эм Джей начала судорожно искать в подушках телефон. 911, думала она, словно Siri могла прочитать мысли и сделать звонок.

– Я уже вызвала полицию! – наконец догадалась она выкрикнуть.

– Это я, – раздался знакомый мужской голос.

– Дэн?

Эм Джей скинула тапочки и устремилась к двери, чтобы поскорее снять цепочку и прижаться к своему бойфренду. Его тело превратилось для нее в островок спокойствия в бушующем океане.

– Какого черта ты оказался здесь? – спросила она, продолжая крепко обнимать его, несмотря на запах, источаемый после долгого перелета эконом-классом.

– Я подумал, что тебе не стоит сегодня быть одной.

– И... что? Ты просто сел на самолет?

– Скорее влетел в последний момент, – улыбнулся он с видом супергероя. – Да, просто сел.

– Я похожа на бомжиху. Почему не предупредил?

– Ты бы отговорила меня от поездки.

Он был прав.

– А если бы меня не было дома?

– Я пришел бы на работу.

– Я могла уехать к друзьям, – настаивала она, хотя оба понимали, что нет никаких друзей, во всяком случае сейчас.

Заметив на журнальном столике полупустую бутылку вина, Дэн только развел руками и протянул Эм Джей упаковку ее любимых карамельных леденцов. Он без лишних слов догадался, почему она не набросилась на конфеты.

Эм Джей взяла его за руку и повела на диван. Адреналин мешал твердо стоять на ногах и заново привыкать к его калифорнийскому загару и золотым огонькам в карих глазах. Начав встречаться, они никак не могли избавиться от чувства неловкости и смущения, которые изрядно омрачали их отношения на расстоянии. Восемь месяцев бесконечных разговоров, сообщений, от набора которых болели пальцы, редких встреч по выходным и ощущение, что они каждый раз все начинают сначала. Все это не могло пройти бесследно, но оно стоило того. Он стоил того.

Однако на этот раз приезд Дэна настолько не входил в планы Эм Джей, собиравшейся провести еще одну ночь в одиночестве, что обычное напряжение и неловкость только усилились. Она совершенно не была готова заняться с ним безудержным после долгой разлуки сексом, даже если бы заранее накрасилась и сделала эпиляцию. С огромным трудом она изобразила улыбку. Пауза слишком затянулась, и надо было что-то делать. Как минимум ей следует расстегнуть толстовку, раз уж загорелый и успешный тридцатичетырехлетний врач неожиданно прилетел к своей измотанной, анемичной и зацикленной на работе девушке в очередную годовщину гибели ее семьи.

– Тот самый дневник? – спросил он, указывая на толстый блокнот в кожаной обложке, лежащий рядом с ней на подушке.

Эм Джей кивнула, едва сдерживая подступающие слезы.

Как и просекко, блокнот был достоин лучшей участи: сюжетов будущих книг, набросков персонажей и размышлений начинающей 31-летней писательницы. Она купила его в те времена, когда работала простым копирайтером в журнале «City», едва сводила концы с концами и спала с парнями, носившими шелковые трусы. В те времена, когда все было хорошо и правильно. Когда Эм Джей еще пользовалась ручкой и имела красивый почерк.

Теперь же она сидела на диване, прижав колени к груди, и листала страницы в поисках написанных карандашом и оттого полустертых записей.

– Похоже, ты была не в себе, когда писала все это, – заметил Дэн.

– Ну да.

Устало ссутулившись, Эм Джей рассказала Дэну о психотерапевте докторе Конне, который жутко обрадовался, узнав, что она наконец готова написать о том, что произошло 31 марта.

– Он пододвинул ко мне подставку с ручками и предложил выбрать любую.

– Но ты попросила карандаш?

– Угу, – ответила Эм Джей, приятно удивившись тому, насколько он хорошо ее знает. – Разумеется, он подумал, что это дурацкий каприз, пока я не объяснила, что не пользуюсь ручками с того самого дня.

Дэн закрыл глаза и медленно потянул шею из стороны в сторону.

– Думаю, бедняга впервые задумался об отставке, когда все это услышал.

– Ты даже представить не можешь, как он удивился. Мне показалось, что он вот-вот треснет меня по голове своей любимой кружкой.

Дэн громко засмеялся, обрадованный неожиданной сменой настроения, но Эм Джей снова погрузилась в мысли, как это всегда происходило 31 марта, и вернулась к чтению записей.

– Никак не могу поверить, что ты приехал, – сказала она, изображая благодарность, хотя в глубине души была возмущена незванным визитом. Ноющая изматывающая боль где-то внизу живота – это все, что осталось от ее семьи. Чувствуя боль, она физически ощущала присутствие родных. И теперь, когда Дэн неожиданно нагрянул со своими исцеляющими объятиями, боль исчезнет, как однажды навсегда исчезли они.

– Я хочу помочь тебе, – шепнул Дэн, убирая с ее щеки пряди запутавшихся безжизненных волос.

Эм Джей поблагодарила его, как будто слова могли помочь. Они оба прекрасно понимали, что колесо Фортуны провернулось и остановилось там, где остановилось. Дэн, ее спаситель, никогда не вернет погибших близких и поэтому должен честно признаться, что ничем не может помочь, потому что сама Эм Джей не искала спасения. Она хотела получить назад то, что навсегда потеряла. В итоге она смирилась с судьбой и впервые за три года решилась прочитать записи, которые доктор Кон однажды уговорил ее сделать.

Воспоминания о событиях 31 марта 2013 года

Я выхожу из метро. Затхлый, отвратительный, как несвежий утренний запах изо рта, горячий воздух окутывает меня своими липкими объятиями. Я выхожу из перехода на станции «Принс-стрит» навстречу смраду гниющих отходов и вою сирен «скорой помощи». Мне кажется, подобные чувства испытывает ребенок при появлении на свет: он тоже без подготовки попадает из огня в полымя.

Я приезжаю в ресторан «Киприани» за 20 минут до назначенного времени и сажусь за стойку бара. Я что-то пишу в дневнике – в этом дневнике, – ожидая своих родителей и сестру. Они едут из Лонг-Айленда, чтобы отпраздновать важное событие в моей жизни: спустя годы собеседований, работы официанткой и изредка копирайтером – в тех случаях, когда более «опытные» авторы отказывались от написания текстов, – меня начнут публиковать в журнале «City».

«Это называется “родители периода коммутируемого Интернета, случайно занесенные в эпоху широкополосного доступа в Интернет”, – заявляю я, как только все усаживаются за стол. – На эту мысль меня вдохновили твои настойчивые и безуспешные попытки идти в ногу со временем».

Мама вытаскивает крошки хлеба из бороды папы. «Это все мелочи».

«Важные мелочи». Я напомнила ей об одном электронном письме. Том самом, в котором я пожаловалась, что валяюсь в постели с температурой, а в ответ она написала ЛОЛ.

Эйприл хохочет.

Мама поправляет прическу. «Я думала, это значит „Любимая, Очень Люблю“».

«Вопросов больше не имею. Тема закрыта».

Эйприл говорит: «Ну уж нет. Ты напомни, как папа написал мне эсэмэску о том, что я забыла дома телефон».

Она пытается стянуть с моей тарелки картошку фри.

Я бью ее по руке: «Свою ешь!»

«Ой! – вскрикивает она с таким видом, как будто только что увидела свою тарелку. – Когда ее успели принести?»

Мы смеемся и дразним друг друга. Пьем шампанское «Вдова Клико», едим десерт. Папа заказывает латте. Я проверяю телефон.

Лучшая подруга Кэти ждет меня за углом в ресторане «The Mercer Kitchen» и интересуется причиной моего опоздания. Она уже выпила четыре текилы и наблюдала за «красавчиком Малкольмом Гладвеллом». Она требует, чтобы я тащила свою задницу как можно быстрее, иначе местные пота-скушки скоро оглушат его чем-нибудь тяжелым и уволокут с собой.

Папа подписывает чек. Я встаю. Мама жестом просит меня опять сесть за стол.

«У нас есть подарок».

Она протягивает мне пустую коробку от ручки «Монблан».

Я перевожу взгляд на Эйприл и закатываю глаза, словно говоря: «Ну и? В чем прикол?»

«Великий писатель достоин великой ручки», – говорит папа.

«Хм. – Я запускаю руку в пустую коробку с видом заправского фокусника. – Уважаемые зрители, фокус не удался, коробка пуста».

«Мы подумали, что ты сама захочешь ее выбрать, – говорит мама. – Магазин за углом».

Я очень тронута и искренне благодарю. Одновременно я думаю, что продолжать отмечать такое важное событие в магазине «Монблан» с родителями слишком скучно.

Поэтому я лгу. Я говорю, что очень устала, и спрашиваю, почему бы не забрать подарок в воскресенье после бранча.

Они улыбаются, стараясь не показать огорчение. Эйприл говорит, что в этот раз она вынуждена пропустить бранч, потому что должна ехать на конференцию по фитнесу. Я отвечаю, что ничего страшного. Увидимся через неделю.

Мы обнимаемся и прощаемся на Грин-стрит. Я счастлива. После шампанского в голове кружатся и путаются мысли о красавчике Малкольме, родителях, сестре и новой работе. Такое ощущение, что все складывается как нельзя лучше, и, окрыленная, я мчусь в The Mercer Kitchen».

Кэти сидит рядом с красавчиком Малкольмом. Он говорит, что я выгляжу как среднеразмерная копия Эль Макферсон, и между нами сразу пробегает искра.

После каждой порции текилы Кэти целуется со своим бойфрендом, а Малкольм рассказывает мне о своих серебряных перстнях. Пока мы обсуждаем караоке-бар, раздается звонок. Я сбрасываю его и заказываю еще одну текилу.

Телефон снова звонит.

Я игнорирую и опрокидываю стопку.

Он опять звонит.

Наконец я отвечаю.

Произошло ДТП... шоссе на Лонг-Айленд... Водитель грузовика писал эсэмэску за рулем... Он врезался в старую «ауди» отца... Машина перевернулась... Влетела в джип... Подушки безопасности не сработали... Все пассажиры погибли на месте.

Если бы я пошла в магазин «Монблан»...

Если бы я купила ту ручку...

Если бы... Если бы... Если бы...

Эм Джей захлопнула мокрый от слез дневник, свернулась в углу дивана и зарыдала так, будто все произошло вчера. Желая хоть чем-то облегчить ее страдания, Дэн начал делать ей массаж ступней. Эм Джей не знала, что с ним делать – проломить голову за неожиданное вторжение или написать об их отношениях романтическую новеллу. Она знала, что в любом случае боль, разрывающая ее изнутри, никогда не утихнет.

Глава третья

Нью-Йорк.

Пятница, 22 апреля.

Полнолуние

Два громких стона разорвали тишину и смолкли.

А-а-а-и-и-и-йа-а-а-у-у. А-а-а-и-и-и-йа-а-а-у-у

Было время, когда Эм Джей могла запереться в комнате и часами думать, как точно описать звук измельчаемого в шредере билета, оставшегося после похода в кино. Скользящих по льду шин... Вопросы «Мы тут?», пропетого в музыкальный инструмент казу... Камня, выходящего из почки овцы... Сейчас она вспоминала об этом увлечении как о бесполезной трате драгоценного времени.

За окнами ее кабинета, расположенного на 36-м этаже в офисе редакции «City», в такт светофорам вспыхивали и гасли стоп-сигналы машин. Гудели таксисты.

Лениво со скрипом тормозили автобусы. Жители Нью-Йорка, как обычно, спешили, ужинали, танцевали, торговали, спорили и творили.

– Ждем указаний, – сказала проходившая мимо Николь из отдела графики и дизайна.

Эм Джей стремительно подняла средний палец, едва видимый из-за гор документов, похожих на силуэты Готэм-сити. Это был шутливый ответ коллегам, постоянно напоминавшим, что в ее распоряжении находится команда настоящих профессионалов и стажеров, поэтому ей не нужно взваливать всю работу на себя.

Но она это делала.

Работа была единственной отдушиной. Дедлайны были спасательным кругом. Когда она редактировала истории о жизни других людей, она забывала о своей. Так считал доктор Кон, но не она сама. Эм Джей некогда было тратить время на объяснения. Для ответа на многие вопросы ей хватало поднятого среднего пальца.

– Угадай, где я? – спросил Дэн через несколько минут по скайпу.

Голый по пояс, в ярко-желтых бермудах, он сидел на перилах и держал в руках бутылку пива, изумрудно-зеленый цвет которой сливался с океаном за спиной Дэна. Очки-авиаторы подняты на макушку.

– В отпуске? – предположила Эм Джей, хотя у нее не было времени на досужие разговоры.

По правде говоря, она надеялась, что он, зная о грядущем повышении, хочет пожелать ей удачи, и только поэтому ответила на звонок. Его внимательность и заботливость были неотразимы: мало что еще могло оторвать ее от мыслей о будущем «City». Не то чтобы все ожидали ее повышения, но шансы были высоки, и она их не упустит.

– Не. Попробуй еще раз.

– Дэн, я...

– Коттедж, – сказал он. – Мы купили его. Я подписал документы.

Эм Джей смягчилась. Ей было неважно, действительно ли Дэн искренне считал свою личную покупку их общим делом или, говоря «мы», хотел подбодрить ее и удержать от мыслей об одиночестве. Это местоимение имело для Эм Джей особый смысл, и она широко улыбнулась.

– Поздравляю, доктор Хартвелл, – ответила она, сияя. – Как же я хочу его увидеть...

Неожиданно в кадре появилась женщина двадцати восьми или, может быть, тридцати четырех лет в обтягивающей майке и розовых лайковых легинсах.

– Не могу найти ключи. – Она перегнулась через перила чтобы поискать их рядом с Дэном в песке. Ее подозрительно густые волосы запрокинулись вперед, как будто принимая участие в поиске.

Дэн благоразумно отвел взгляд от умопомрачительной задницы, которая оказалась прямо перед его носом, и предположил, что ключи завалялись на кухне.

– Подожди секунду, – сказал он Эм Джей, откладывая iPad в сторону. Вместо Дэна на экране планшета появился небольшой пропеллерный самолет с оптимистичным баннером «Регги в оазисе!».

Эм Джей изучала свое отражение в незакрытом окне Скайпа. По сравнению с дьявольской красоткой из Калифорнии она была замотанным серым голубем. Вспомнив о румянце незнакомки, она принялась щипать себя и случайно расцарапала левую щеку до крови.

– Нашла! – объявила женщина, пока Эм Джей прижимала к ране салфетку из «Старбакса».

– Кто это? – спросила Эм Джей, когда Дэн объявился в Скайпе.

– Бритт Райли. Мой риелтор.

– Учти, что Бритт Райли может подцепить грибковую инфекцию, если будет ходить на работу в спортивной одежде.

– Она паропроницаемая, – доложила Бритт, удаляясь из кадра.

Дэн поморщился.

– Извини, – шепнула Эм Джей. Ее щеки пылали.

– Ты в порядке?

– Я только что оскорбила твоего риелтора.

– Не в этом дело. У тебя царапина на лице и... когда ты ела в последний раз?

– Зубная паста считается?

– Приезжай сюда. Я позабочусь о тебе.

– Буду в следующую пятницу, – напомнила она. – На самом деле в субботу. Я должна дать интервью «The Times», поэтому вылетаю ночным рейсом.

– У нас будет... Всего полтора дня?

– Знаю, но я вернусь на свой день рождения, потом ты прилетишь в июне и...

– Кстати, – сказал он с таким энтузиазмом, что она вздрогнула и напряглась. – Рэнди все подтвердил. 31 июня мы улетаем на неделю на остров Ява.

– В июне 30 дней.

– Правда? – Дэн почесал шею. – Готов поклясться, что он сказал 31-го.

Эм Джей быстро загуглила «остров Ява» в телефоне.

– Индонезия? Ты не боишься терактов? Там хотя бы есть сотовая связь? А если ты утонешь?

– У нас в компании два врача и профессиональный сёрфер, – сказал он. – Все будет нормально.

– Рэнди давно не занимается профессиональным сёрфингом, – ответила она, делая в ежедневнике пометку, что на эти дни следует запланировать побольше встреч и ночных фотосессий.

– В любом случае, я говорю не о коротких встречах, и ты об этом знаешь. Я хочу, чтобы ты переехала сюда жить. – Он по-мальчишески улыбнулся. – Со мной.

Эм Джей тяжело вздохнула, устав защищать свой выбор.

– Я знаю, что мы вместе только восемь месяцев. Что с того? Мы заведем собаку, будем много гулять и сможем видеться не только по выходным. Ты опять начнешь писать книги.

– Дэн, я больше не пишу книги. Меня скоро назначат главным редактором самого популярного ежемесячного журнала на Восточном побережье. – Сердце Эм Джей екнуло, когда она сказала «главный редактор». После двух с половиной лет, наполненных кофеином, потом и полной самоотдачей, она наконец должна им стать.

Дэн допил остатки пива и произнес заранее подготовленную фразу:

– Скажи им, что тебе не нужна эта работа.

– Я не могу. Я подписываю контракт буквально через пару минут.

– Не можешь или не хочешь?

– И то и другое, – ответила она. – Я должна идти. На мониторе появилось напоминание о встрече.

Пора.

– Должна идти или хочешь идти?

Она закатила глаза:

– Прекрати.

– Ладно. Позвони по скайпу, когда соберешься домой. Я устрою тебе экскурсию по коттеджу.

– И это все?

– Я люблю тебя.

– Может, пожелаешь удачи?

– Это последнее, что тебе сейчас нужно. Точнее говоря, это назначение – последнее, что тебе нужно.

– Что ты имеешь в виду?

– Руководство журналом не сделает тебя счастливой.

– Что?

– Все эти электронные письма, встречи, статьи, которые ты редактируешь... все это отговорки.

– Благодарю, доктор Кон. Встречаемся через неделю в это же время?

– Я серьезно, Эм Джей. С момента аварии прошло три года. Нельзя так долго оставаться равнодушной и безразличной ко всему.

– У меня охренеть сколько дел и забот.

– Все они связаны с работой. Но не со...

– Это не просто работа, – перебила она, потому что это было именно так. «City» давал нечто большее, чем просто корпоративные бонусы и светские тусовки. Для амбициозных людей журнал был площадкой, на которой шла понятная игра по всем известным правилам. Чем больше Эм Джей работала, тем большего достигала. Никаких исключений и случайностей. Почему это так трудно понять? – Дэн, это место спасло меня.

– Всего лишь место, Эм Джей... Место никого не может спасти.

Ее сердце бешено заколотилось:

– Почему бы тебе не переехать в Нью-Йорк и не открыть здесь клинику?

– Я только что купил дом.

– А у меня здесь квартира.

Не мигая, широко раздувая ноздри, тяжело дыша, они молча уставились друг на друга, сверкая глазами. Два персонажа мыльной оперы, которые сами загнали себя в тупиковую ситуацию. Впрочем, они попадали в нее уже не раз. Как они могут создать семью, если не готовы пожертвовать тем, что создали до своего знакомства? Теперь же, после покупки Дэном нового дома и почти заключенного Эм Джей пятилетнего контракта, перспективы стали еще более туманными.

– Что я, по-твоему, должна сделать, Дэн? Переехать к тебе и продавать в баре на пляже органические соки?

– Звучит очень мило.

– Так, – допустила она. – Если бы обстоятельства были другие, если бы я была другой.

* * *

Энн Роуз-Кук сидела за огромным столом, рассчитанным на двадцать шесть человек, и просматривала бумаги, когда в конференц-зал вошла Эм Джей. Поднявшись с кресла, Энн крепко пожала ей руку, давая понять, что вопрос практически решен, и улыбнулась так, как обычно улыбаются в конце рабочего дня в пятницу. Ее, директора по персоналу, не надо было учить искусству передать одним коротким приветствием любые эмоции и при этом не выходить за рамки делового этикета. Она прекрасно знала, что благодаря этому сделала карьеру.

– Я просто обожаю переход на летнее время. Всего один час, а какая разница.

Эм Джей посмотрела в огромное панорамное окно и согласно кивнула головой, хотя сама и не разделяла восторги ньюйоркцев по поводу смены сезонов.

Ясное небо и короткие теплые ночи нужны любителям побросать фрисби в Центральном парке или посидеть на летней террасе кафе, но только не трудоголикам.

– Мы не опоздали? – спросила Гейл, врываясь в конференц-зал.

«Мы?» – не успела подумать Эм Джей, как вслед за Гейл в зал вошла директор по маркетингу Лиз Эванс.

– Как сама, Мэй-Джун? – спросила Лиз, не упуская момент разозлить Эм Джей, называя ее полным именем.

– Мы с Лиз только что провели в ресторане очень важную встречу с Рафферти Уиттом, – сказала Гейл и подмигнула Лиз, занимая свое место во главе стола.

С каких это пор Гейл Уэст – действующий главный редактор «City» и будущий исполнительный директор компании «Пике Пабблишинг Групп» – начала так обворожительно подмигивать Лиз? До сих пор Гейл не давала повода для упреков в пошлости, дурном вкусе или любви к золотым палкам для селфи.

Лиз рыгнула.

– Прощу прощения, – сказала она, помахивая ладонью как веером перед лицом. – Совиньон Блан.

Гейл пригрозила ей пальцем:

– Я же говорила, что не надо заказывать третий бокал.

– Я и не заказывала, – воскликнула Лиз. – Это ты заказала.

– Ха-ха. Ты права.

– Мы можем начать заседание? – спросила Энн.

– Поехали. – Гейл хлопнула в ладони. – Лиз, ты первая.

– Извините, я что-то перепутала и ошиблась местом? – спросила Эм Джей, проверяя в телефоне свое расписание.

– Конечно нет. – Гейл ухмыльнулась, впервые встретившись глазами с Эм Джей. – Я подумала, что тебе будет приятно услышать сначала хорошую, а потом действительно хорошую новость.

– Конечно. Да. Абсолютно, – ответила Эм Джей, окончательно запутавшись и покраснев.

– Итак... – Лиз, как пианист, постукивала своими толстыми пальцами по столу. – Впервые в истории рекламного бизнеса... Корпорация «Уитт Холдингс» прекращает сотрудничество с журналом «New York» и отныне работает только с нами. Твоя очередь, Гейл.

Эм Джей запрокинула голову:

– Это значит, что...

– Всё и сразу. – Она засияла. – Рестораны, бутики, художественные галереи и даже элитные жилые комплексы.

Впервые у Эм Джей не возникло желания хорошенько треснуть коллегу, чтобы сбить с нее спесь. Она готова была расцеловать Лиз. Эта уродина действительно сделала невозможное. «Уитт Холдингс» принесет миллионы долларов. Более того, возможно, учредители передумают и сохранят бумажную версию журнала. Что уж говорить о личной заинтересованности Эм Джей: благодаря таким деньгам она войдет в историю как самый успешный главный редактор.

– Отличная работа, Лиз. Как ты этого добилась?

– Я затащила самого Уитта на концерт «Пинк Флойд» «Обратная сторона Луны», и мы там не теряли времени даром.

– На них еще кто-то ходит?

– Конечно, – возмутилась Гейл. – Я была на этом шоу раз десять.

Эм Джей нахмурила давно не крашенные брови.

– Да, дорогая, чернокожие тоже слушают «Пинк Флойд», – провоцировала ее Гейл.

– Не в этом же дело, – возразила Эм Джей. – Послушай...

– Мне сорок семь?

– Нет.

– Женщина?

– Нет.

– Я страдаю клаустрофобией?

Расхохотавшись, Эм Джей ответила:

– Я даже не догадывалась, что Рафферти Уитт фанат «Пинк Флойд». – Она не знала, как еще выразить Гейл свое восхищение.

– Текила и стейк тоже сделали свое дело, – вставила Лиз.

– Лиз, ты добила невероятного, – сказала Энн. – Но я буду очень признательна, если ты перестанешь фокусироваться на алкоголе и...

– Господи, – вздохнула Гейл. – Не могу поверить, что я это делаю.

– Делаешь что? – уточнила Эм Джей.

– Оставляю пост главного редактора, чтобы стать генеральным директором «Пике».

– У тебя есть сомнения?

– Скорее ностальгия. – Гейл вытерла уголки глаз рукавом своей элегантной просторной блузки. – Я буду скучать, хотя и знаю, что редакция остается в надежных руках. – Она не преминула восхититься лидерскими качествами Эм Джей, ее стремлением к совершенству, бессонными ночами на рабочем месте и ростом тиража на сорок три процента.

Эм Джей сжала два золотых обручальных кольца на большом пальце. Родители могли бы ей гордиться.

– Журнал – это все для меня.

– Согласна! – прогремела Лиз. – Черт, я действительно не могу представить себе лучшего партнера.

Эм Джей поблагодарила ее вежливой улыбкой:

– Я буду сильно рассчитывать на тебя и твой отдел маркетинга, особенно первые несколько месяцев.

– Ха! – ответила Лиз.

– Я сказала что-то смешное?

– Это была шутка, да?

Эм Джей непонимающе посмотрела на Гейл и Энн, а затем снова на Лиз:

– Нет. С чего ты взяла?

– С понедельника я больше не руковожу отделом маркетинга, – ответила Лиз. – Теперь мы – команда, Мэй-Джун.

– Извините, я ничего не понимаю.

Гейл покручивала пальцем цепочку на шее.

– Ты разве не прочитала мое электронное письмо?

– Какое письмо?

– Ча-ча-ча, – напела она, просматривая телефон. – Нашла. Воскресенье, 17 апреля, 2:13 ночи. Тема: Важные изменения.

– Я не получала его.

– Можешь пристрелить меня, – сказала Гейл. – Оно почему-то осталось в черновиках.

Энн начала выравнивать и без того идеальный ряд лежащих перед ней ручек.

Лиз отправила в рот драже «Ментос»:

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

– В двух словах? – с неожиданным энтузиазмом спросила Гейл. – Я создала коалицию.

Лиз одобрительно кивнула.

– Я по-прежнему ничего не понимаю.

– Ты и Лиз, – сказала Гейл с таким видом, будто они обсуждали эту тему сотни раз. – Два главных редактора.

– Два? Соредакторы?

– Да, – ответила Гейл, наслаждаясь своей гениальностью. – Ты управляешь журналом отсюда, а Лиз управляет... – она указала рукой на окно, – оттуда.

– Извини. Что это вообще значит? – Эм Джей пристально посмотрела Гейл в глаза, подозревая, что ее кем-то подменили. Гейл не могла так вероломно поступить с ней. Только не та Гейл, с которой они дружно работали столько лет. Они всегда были открыты и честны с друг с другом. Гейл знала, насколько трудоспособна Эм Джей. Насколько талантлива. Насколько отдавала всю себя работе. Все она знала.

– Ты немного... бледная. Нужна минутка на перерыв?

Сердце Эм Джей бешено стучало и выпрыгивало из груди, как кулаки недовольных участников маршей протеста.

– Минутка? Мне понадобится гораздо больше времени, чтобы понять, почему мое нынешнее положение так внезапно трансформировалось в...

– Коалицию, – предложила Лиз свой вариант.

– Гейл, можно поговорить с тобой один на один? – спросила Эм Джей, едва сдерживая себя.

– Отличная идея, – сказала Энн. – Кто-нибудь хочет кофе?

– Смотря куда ты собралась, – сказала Лиз. – В «Сихсбакс» или в буфет?

– Мы идем в буфет, – настойчиво потребовала Энн.

Лиз задумалась.

– Хорошо. – Затем, обдавая окружающих запахом алкоголя, шепнула: – Не переживай, Мэй-Джун, твой кабинет лучше. – И вышла с Энн из зала.

– Это безумие, – прошипела Эм Джей, едва они остались наедине. – Ты это понимаешь, верно?

Гейл протянула руки навстречу Эм Джей:

– Я очень расстроена, что эта новость стала для тебя полной неожиданностью. Я была уверена, ты прочитала е-мейл.

– И? Ты думала, я пришла в такой восторг, что забыла ответить?

– Я делаю все ради журнала.

– И как я об этом узнаю? В присутствии всех?

– Оно застряло в черновиках. – Гейл включила телефон и показала его Эм Джей. – Я не знала. Только сейчас заметила.

– Уверена, что знала. Ты прекрасно знала, что делаешь. Гейл сложила руки и села в кресло:

– Какой смысл?

– Смысл? Ты понимала, что я взбешусь, и испугалась.

– Испугалась?

– Да, испугалась. Ты сделала это при свидетелях в надежде, что я не устрою публичный скандал. Но нет, ты поступила еще хуже. Ты пригласила свою новую любовницу поглазеть на это шоу.

– Я не хотела с тобой ссориться, Эм Джей. Я отдаю тебе журнал.

– Ты отдавала мне весь журнал. Теперь ты делишься его частью, и я не знаю почему. – Слезы, внезапные и горячие, заливали глаза Эм Джей.

– Ладно. Хочешь знать, почему я так поступила?

Эм Джей кивнула.

– Ты не прикольная.

– Извини?

– Тебе бесплатно достаются билеты в клубы, галереи и любые концертные залы Манхэттена, но ты никуда не ходишь. Когда в последний раз ты была с клиентами в ресторане или задерживалась из-за пьяного коллеги?

– Когда я последний раз уходила с работы до полуночи?

– Понятно, – продолжила Гейл. – Я тоже не люблю людей. Но Лиз? Она живет этим, и наши рекламодатели в восторге от нее.

– Согласна. Она великолепна. Я предложу ей повышение, хорошую зарплату и окажу любую поддержку.

– Я рассматривала такой вариант, – призналась Гейл. – Но...

– Но что? Лиз не имеет никакого представления о том, как управлять журналом.

– Поэтому мне нужна ты.

– Знаю, а зачем тебе она?

– В качестве главного редактора она принесет больше пользы и прибыли журналу, а значит, и денег лично тебе.

Эм Джей от возмущения подскочила:

– Дело только в этом? В деньгах?

– Просто бизнес. Ты это знаешь.

– Я все посвятила этому бизнесу. Все выходные дни, все мысли... вообще все. И теперь ты отдаешь это Лиз!

– Она крепкий орешек, да, но у нее будет только половина власти, а значит, на тебя будет меньше нагрузки. У тебя появится больше времени на Дэна, ты будешь чаще видеть белый свет. Кто знает, возможно, ты опять начнешь писать книги.

– Мне нужно только обещанное ранее.

Гейл резко выдохнула:

– Доверься мне, хорошо?

– А если я не соглашусь?

– С чем?

– Если я откажусь от должности?

– Эм Джей, я знаю, ты разочарована, но...

– Разочарована?! Это не разочарование – это смерть. Не несчастный случай. Хладнокровное умышленное убийство.

– Ничего личного, дорогая.

– Абсолютно непрофессионально, – сказала Эм Джей.

Она откинула волосы назад и направилась к выходу быстрой и одновременно сбивающейся, как будто не своей, походкой. Перед ее глазами проносились, как вспышки, сцены из неизвестной будущей жизни. Жизни без карьеры, будильника. Только боль, от которой нельзя скрыться. Эти вспышки вонзались в ее душу, как осколки разбитого стекла.

– Подумай еще раз, – настаивала Гейл. – Возьми отгулы. Я отложу на неделю официальный анонс. Что скажешь?

Эм Джей хотела развернуться и закричать так, чтобы заглушить шум улиц, так, чтобы ее голос многие годы эхом звучал в холодном сердце Гейл. Но ее горло пересохло, слова путались и были едва различимы.

– Подожди... – попробовала остановить ее Гейл. – Ты куда?

Не оглядываясь Эм Джей ответила:

– На гребаный пляж.

Глава четвертая

Перл Бич.

Воскресенье, 1 мая. Убывающая луна

Солнце заливало комнату светом, пробуждая Эм Джей, словно гонец, несущий важные новости.

Она перевернулась на подушку Дэна и прослушала очередное голосовое сообщение Гейл. Это было напоминание, уже третье по счету, что еще не поздно вернуться в редакцию «City». Конечно же поздно, если только Гейл не отменила свое решение о назначении Лиз.

Эм Джей отложила телефон в сторону, лениво потянулась на кровати – их кровати – и посмотрела в окно на открытую террасу. Там сидел Дэн на полосатом желто-белом шезлонге и читал журнал «Экстренная медицина». Более чем скромные мышцы его рук почти незаметно двигались при переворачивании страниц. Эм Джей стало любопытно, о чем поют птицы, почему небо такое безоблачное и откуда взялся шезлонг, которого вчера там не было.

Прижимая простыню к обнаженному телу, она вышла на террасу. Ее взору предстали ряды ярких пляжных зонтиков, скалы, торчащие, словно зубы, вдоль берега, и сверкающие волны сине-зеленого океана. Надо признать, безработица имеет свои плюсы. После многих месяцев бесконечных перелетов по выученному наизусть расписанию и стремительно проносившихся уик-эндов на этот раз их воскресенье впервые не закончится слезами в аэропорту Лос-Анджелеса. Песок в песочных часах ее жизни остановился, чтобы растянуться на тысячи миль босоногих прогулок по пляжам.

Эм Джей взглянула на винтажные часы «Timex 1974» с оливково-зеленым ремешком:

– Уже три часа. Почему ты меня не разбудил?

Дэн снял очки-авиаторы и улыбнулся:

– Это по времени Восточного побережья?

– Это не время Восточного побережья. Это время Августа Старка. Мой отец носил их в тот день, когда его убили, и я не хочу переводить стрелки...

– Постой минутку... – Дэн отбросил журнал, который с громким хлопком приземлился на пол. – Твой отец...

– Стоп! Не надо мне читать еще одну лекции о разнице между убийством и причинением смерти по неосторожности. Я все прекрасно знаю. Однако, умышленно или нет, его лишили жизни и...

– Да нет же, – засмеялся Дэн. – До меня только сейчас дошло, что полное имя твоего отца – Август, а не Эвги, как вы его всегда звали.

Эм Джей поправила ремешок часов, к которым относилась со священным трепетом. Они всегда так размеренно и весело тикали, как будто ничего не произошло.

– Выходит, что твою маму звали не Яна, а Январи-на, отца – Август, сестру – Эйприл, или Апрель, а ты не просто Эм Джей, или Мэй-Джун, а Май-Июнь?

– Мы все получила имена в честь месяца своего рождения, – ответила она, гордясь принадлежностью к элитному клубу. – Я родилась 31 мая, поэтому они добавили Джун на всякий случай. – Эм Джей присела на краешек дивана. – Теперь моя очередь задавать вопросы. Откуда взялся этот шезлонг от Шанель?

Дэн указал большим пальцем на бунгало справа.

– Они просто так его отдали?

– Не совсем. Я одолжил шезлонг на время, пока мы не купим себе такой же. Кёртис сказал, что они уезжают в круиз и вернутся через неделю-две.

– Кто такой Кёртис?

– Почтальон.

– Ты с ним знаком и даже знаешь имя?

– Конечно.

Эм Джей три года прожила в своей нью-йоркской квартире и не знала имени дневного портье. Она не помнила имен парочки из соседней квартиры № 5F и никогда не утруждала себя чтением беджиков в кафе. Теперь все изменилось. В ее расписании появилось много свободного времени. Она могла ходить в гости и одаривать случайных прохожих лучезарной улыбкой.

Дэн потянул Эм Джей к себе.

– До сих пор не могу поверить, что ты живешь тут, – проговорил он, пока она укладывалась на его теплой груди и рассматривала свое отражение в очках.

Казалось невероятным, что всего неделя без компьютеров, дедлайнов и снотворного может так сильно изменить лицо. Еще недавно серое и изможденное, оно загорело и светилось изнутри так, будто к нему подключили неведомый источник энергии. – Это нереально, – сказал Дэн.

– Или реально?

– И то и другое сразу.

Тон его голоса, как обычно насмешливо-пренебрежительный, говорил: «Я врач. Слова ничего не значат. Когда ты в последний раз оперировала сломанную руку? Так и знал».

– Ты счастлива? – спросил он.

– Когда слышу твою косноязычную речь? Как минимум очарована.

Дэн запустил руки под простыню Эм Джей и игриво сжал ее ягодицы.

– Я имею в виду, находясь здесь. Ты счастлива?

– Не знаю, доктор Хартвелл. Какие симптомы счастья вам известны?

Он положил руки за голову и задрал подбородок вверх навстречу голубому небу:

– Спать до полудня, носить простыню, привязывать меня к кровати и делать со мной все что захочется.

– Тебе понравилось, не так ли?

– Да, да. Конечно. Пока ты не включила лесбийское порно.

Эм Джей покраснела, вспомнив свою ночную оплошность.

– Большинству парней нравятся такие развлечения.

– У большинства парней нет матерей-лесбиянок и четырех младших сестер.

– Я знаю. Извини. Забыла. – Щеки Эм Джей пылали. – Слушай, поехали завтра в Сан-Франциско. Я хочу познакомиться с твоей семьей.

– Не могу. – Он кивнул в сторону дома, который был забит коробками и битком набитыми чемоданами, похожими на брошенных скулящих щенят. – Я завтра еду искать место для новой клиники, но пока не могу найти даже ботинки.

– Понятно. Я разберу вещи, – чирикнула она.

Подобно птицам, разбудившим ее днем, Эм Джей будет щебетать и посвистывать во время работы. Открыв для себя радости простой жизни, она начнет порхать от счастья по дому. Сбросит старую городскую кожу. Будет вдыхать ароматы роз, улыбаться незнакомцам, ходить пять раз в неделю на пляж и делать эпиляцию.

Она поцеловала Дэна в макушку. Его волосы нагрелись от солнца.

– Ты куда?

– Искать твои ботинки.

Дэн недоверчиво ухмыльнулся:

– Ты действительно разберешь вещи?

– Конечно.

– Не нужно вызывать команду профессионалов или группу подневольных интернов? – уточнил он. – Ты все сделаешь сама?

– Веррррно.

– А когда ты закончишь? Что потом?

Эм Джей толкнула раздвижную стеклянную дверь, ведущую в гостиную.

– Займусь декорированием, – сказала она и решительно двинулась навстречу новой жизни.

* * *

– ЧЕГО уставился? – спросила Эм Джей через несколько недель.

«Смотрю на исчезающий загар, кровавые заусенцы и халат, который ты носишь уже две недели», – ответил бы ее собеседник. Но это был картонный ящик. Эм Джей пнула его ногой.

Дважды.

Первый раз за хамство, а второй раз в знак окончания работ. Это был последний ящик. Дело сделано. Эм Джей почувствовала себя обездоленным фермером. Чем теперь заняться? Поспать? Погуглить Лиз Эванс? Послушать тишину?

В доме определенно станет тише.

Если бы не чертов океан. Он никогда не замолкает.

Глава пятая

Перл-Бич.

Пятница, 20 мая. Полнолуние

В Нью-Йорке наступило четыре часа. Еженедельное совещание в редакции «City» приближалось к концу. В течение часа Лиз разошлет электронные письма со своими лучшими идеями, а Эм Джей, которая до сих пор оставалась в списке рассылки, сможет их прочитать (возможно, оценить).

С открытым ноутбуком, балансирующим на бедрах, и бокалом шампанского в руке она оперлась на подушку и внимательно смотрела на открытую папку входящих сообщений, ожидая, когда посыплется град уведомлений о доставленных письмах.

– Ты пишешь? – спросил Дэн через открытую дверь.

Эм Джей захлопнула ноутбук:

– Что ты делаешь дома?

– Хотел пообедать.

Черная футболка оттеняла его загар, поэтому кожа приобретала скорее цвет эспresso, чем привычного капучино, а карие глаза казались зелеными.

– Ты красавец.

– А ты по-прежнему в халате.

– Фу! Ты говоришь, как эта дурацкая коробка.

– Какая коробка?

– Та, что стоит в гостиной.

– Она разговаривает?

– Только когда мне скучно. – Эм Джей сбросила простыни. – Забудь.

– Черта с два.

Он хрустнул костяшками пальцев и решительно бросился в сторону гофрированной коробки, забавно шлепая вьетнамками по полу.

– Я понятия не имел, что она здесь! – выкрикнул он, слишком увлеченный копанием в грудe кружек, гольфов, значков, брелочков, корешков билетов и карточек бейсбольного клуба «Сан-Франциско Джайентс», чтобы заметить, как Эм Джей переодевается в шелковое платье без рукавов. – Вот это круто!

Она, конечно, знала, что Дэн болеет за «Джайентс», но понятия не имела, насколько далеко он зашел в своей преданности команде. Не меньше ее удивило словечко «круто». Эм Джей задумалась над тем, как плохо она его знает. Что, если он ходит в Диснейленд? Уклоняется от уплаты налогов? Фанат Адама Сэндлера? Запивает суши молоком?

– Я был уверен, что не уследил и родители потеряли ее при переезде. Они терпеть не могут цвета команды. – Затем, старательно имитируя голос матери, он сказал: – Оранжевый и черный – отвратительное сочетание, Дэнни. Если бы Хеллоуин проходил чаще, чем раз в год, то, поверь мне, власти обязательно приняли бы меры. – Сидевший со скрещенными ногами на полу и державший в руках альбом с пожелтевшими вырезками из газет Дэн выглядел именно так, как должен был выглядеть, когда впервые старательно вырезал и клеивал их в альбом много лет назад. – Меня интересовал только бейсбол, на который я ходил с дядюшкой Олли. – Он натянул на голову фирменную детскую бейсболку «Джайентс» и стал похож на Элмера Фадда.

– Дядюшка Олли? Лучший друг твоей мамы?

– Ага.

– Они познакомились на первом курсе в Стэнфорде, верно?

– Именно так.

– Донор спермы дядюшка Олли? Сначала Сара... Потом Марни... Потом Сара... Потом Марни... Потом Сара? Тот самый дядюшка Олли?

– Тот самый, – отрезал Дэн, явно расстроенный и разочарованный тем, что она по его мнению не уловила суть взаимоотношений.

Однако важный момент упустил как раз Дэн. Он просто не обратил внимания на то, что Эм Джей вспомнила не только имя биологического отца всех Хартвелов, но и всех, кого он оплодотворил, причем в правильной очередности.

– Сестры тоже ходили?

– Нет, – сказал он с издевкой.

– Не занимались спортом?

– Как раз наоборот. Они были крепкими орешками. Джоан играла в софтбол. Маргарет имела черный пояс. Серена была звездой автогонок, а Норма встречалась с двумя нападающими. Но, мне кажется, этого никто не замечал. У нас заведено было так: Ты должен заботиться о своей матери, Дэнни. Береги своих красавиц сестер, Дэнни. Ты мужчина в нашей семье, Дэнни. Будь мужчиной, Дэнни. Это могло продолжаться до бесконечности. – Он сжал пальцы в кулак до хруста костей.

– Сильно давили?

– Да.

– Неудивительно, что ты так любил ходить на те игры.

Дэн посмотрел на Эм Джей, готовый наконец воспринимать информацию.

– Там ни о ком не надо заботиться, верно? – уточнила она.

Он задумался, затем произнес:

– Возможно.

Эм Джей села рядом, хрустнув коленями. Им явно был нужен диван, а не пол.

– Удивительно, что ты стал врачом. Забота и сострадание для них, типа, превыше всего.

Дэн ухмыльнулся, как будто впервые подумал о такой иронии судьбы:

– Возможно, дело в землетрясении.

– Каком землетрясении?

– 17 октября 1989 года, – сказал он. – Третья игра Мировой серии, «Джайентс» против «Окленд Атлетикс». За двадцать минут до начала я почувствовал дрожь под ногами... Я думал, что это от волнения или лишней газировки, ровно до тех пор, пока все вокруг не закричали: «Землетрясение!» Вокруг летал попкорн, люди валились друг на друга... Толчки были очень сильные. Дядюшка Олли схватил меня за рубашку и поволок к выходу так энергично, что я едва не задохнулся. Я рыдал, не останавливаясь.

– Не сомневаюсь. – Эм Джей взяла его за руку. – Ты, должно быть, пришел в ужас.

– Только от того, что пропустил игру.

– Они играли?

– Нет. – Дэн ухмылялся, продолжая вспоминать события того дня. – Полный хаос. Мы попали домой только через шесть часов. Конечно, моя семья думала, что я погиб, а я думал, что погибли они, но все обошлось. Они были в полном порядке. И затем произошло то...

– ...что изменило тебя, – сказала Эм Джей в категоричной манере, присущей доктору Кону.

Глаза Дэна засияли.

– Они не нуждались в твоей помощи. Они были в порядке, ты почувствовал облегчение, и поэтому внутренний прессинг улетучился.

– Совершенно верно.

Эм Джей распрямила спину. Что чувствуют в такие моменты психологи? Что движет ими? Бог, интуиция и чистый гений, вместе взятые? Она продолжила:

– При этом есть люди, которым действительно нужна помощь. Не потому, что они рождены женщинами, а потому, что они ранены или больны. Потому, что их травма реальна, а не порождена фантазиями и домыслами или мужским феминизмом. Это заставило тебя стать врачом, верно?

– Нет, – ответил Дэн. – Все дело в хирурге, который подбросил нас до дома, потому что мы не смогли добраться до своей машины. У него был такой навороченный «мерседес» с доской для сёрфинга на крыше и сногшибательной подружкой внутри, что я сразу решил стать врачом.

– Что?! – Эм Джей шутливо толкнула его в плечо. Дэн улыбнулся:

– Возможно с твоими словами я частично тоже согласен. – Он поцеловал ее в правую бровь, напоминая о дне их первой встречи. – Я не умею обращаться с горячими штучками.

Эм Джей расхохоталась.

В тот день она была в Перл-Бич на выездном корпоративе в гостинице «Majestic Resort and Spa». Наслаждаясь выпавшим перерывом, Эм Джей загорала на лежаке у бассейна и размышляла о последних трендах общественной жизни в Квинсе. Ее грудь начала обгорать. Эм Джей приподнялась, достала баллончик с солнцезащитным кремом, начала его энергично трясти и со всей силы ударила себя точно в правую бровь.

Придя в себя, она увидела кареглазого загорелого доктора, прижимавшего к ее брови пакет со льдом. До этого он сидел в баре, обсуждая с потенциальным партнером свою клинику, и видел все от начала до конца. Потенциальный партнер встал, чтобы прийти на помощь, но кареглазый доктор решительно вернул его на место. Он давно заметил одинокую незнакомку. Свою незнакомку.

Миниатюрная блондинка с резким южным акцентом заявила, что они красивая пара. Эм Джей поправила ее, сказав, что они едва знакомы. Блондинка настаивала, что это совершенно неважно и они предназначены друг для друга. Она профессиональная сваха и эксперт по амурным делам, поэтому знает, что

говорит. Как позже выяснилось, блондинка действительно была экспертом.

Д-р Дэн Хартвелл пригласил Эм Джей на ужин, чтобы осмотреть рану. Он не заметил никаких осложнений и быстро понял, что Эм Джей изнывает совсем от другой боли, никак не связанной с повреждением глаза. С этого момента он будет всегда заботиться о ней.

– Тебе жалко меня? – спросила Эм Джей, складывая сувениры в коробку.

Дэн встал на ноги:

– Почему ты это спрашиваешь?

– Потому что мне хреново.

– Всем хреново. – Он протянул ей белый бумажный пакет. – Счастливой пятницы.

Она заглянула внутрь. Три местных глянцевого журнала, черный ежедневник «Молескин» и карандаш.

– Что это?

– Я тебя точно не жалею. – Он обнял ее за плечи и, сочувственно вздохнув, произнес: – Тебе надо выйти погулять.

– Я очень стараюсь привыкнуть.

– Знаю. Еще я знаю, что ты подавлена, обескуражена и напугана. Но разговаривать с ящиком и пить в кровати... – Он поправил ее волосы и убрал их за уши. – Ты проигрываешь свой бой, Эм Джей. Сожги халат. Начни писать. Думай о новой работе.

Работа.

Опять это слово, подумала Эм Джей, сидя на террасе и листая журнал «Перл-Бич Ливинг», унылый и похожий на «Орандж Каунти Тудей» и «Уэст Коаст Джорнал».

Ей не нужна была работа. Ей нужна была карьера как образ жизни. Бескрайняя, как океан, наполненная культурными событиями, новостями, инновациями и авторами, способными найти важную проблему и заострить ее до предела. Ей нужно то, что у нее было в «City». Местная пресса, напоминая скорее мелкую лужу, была посвящена открытиям медицинских спа и ресторанным обзорам, а писатели имели слабое представление как о светской жизни, так и о стиле. Бесконечные описания круизов и пурпурно-багрянистых закатов. Уважаемый журнал никогда не позволит себе такое. Здесь она могла вернуться только на стадию зародыша.

За деревянными перилами террасы маленькие дети радостно повизгивали на пляже, когда пенистые волны догоняли их. Легкий бриз, подсолненный Тихим океаном. Снующие в воздухе пересмешники. Обессиленная Эм Джей откинулась назад и вспомнила, что все это когда-то вдохновляло ее.

* * *

– АГА, – РАЗДАЛСЯ ЧЕЙ-ТО ГОЛОС.

Эм Джей, вздрогнув, проснулась и увидела на соседней террасе элегантную пожилую женщину, которая пристально смотрела на нее испепеляющим взглядом. Широкие льняные брюки и блузка цвета слоновой кости вздымались на ее тонкой фигуре. Старомодный ключ висел на цепочке у нее на шее. Большой и потускневший, он, вероятно, был подарком внука – такие вещи могут понравиться только близким родственникам.

– Поймала, – сказала она и хлопнула в ладоши так сильно, как будто хотела убить комара.

Эм Джей села и прикрыла глаза ладонью, защищая их от ослепительных лучей заходящего солнца:

– Простите, мы знакомы?

– Нет, но, как я вижу, ты успела неплохо познакомиться с моей уличной мебелью.

– Вашей... что?

Женщина ткнула пальцем в сторону шезлонга.

– О боже! – Эм Джей резко вскочила, словно испугавшись, что из полосатых желто-белых подушек вырастут клыки и загрызут ее. – Мне очень жаль. Его взял Дэн, точнее, одолжил. Ему следовало спросить разрешения, я знаю, но вы были в отъезде, поэтому он подумал...

– Дэн живет... – Женщина указала на дом.

– Только переехал.

– А ты?

– В Нью-Йорке... – Эм Джей отчаянно замотала головой. – Я хочу сказать, здесь, я думаю, что живу здесь. С Дэном.

– И он твой...

– Бойфренд.

– И ты его только что сдала с потрохами?

Эм Джей покраснела:

– Думаю, да.

– Ловко. – Незнакомка подмигнула и протянула руку: – Меня зовут Глория Голден.

– Эм Джей Старк.

Жаркий, пикантный запах амбровых духов и пудры окутал Эм Джей, пока они пожимали руки. Скорее это было похоже на крепкие объятия старых знакомых, а не на обычное приветствие.

– Вы душились Коко Шанель?

Глория сверкнула рядом белоснежных зубов, которые сохранились так же хорошо, как и она сама.

– Ты тоже?

– Моя мама душилась. Но только по особым случаям.

– Дорогая, каждый день нашей жизни – это особый случай, – сказала она и перевела взгляд на стопку лежащих рядом с Эм Джей раскрытых журналов.

– У меня было немного свободного времени...

– Того самого, которое принято тратить на друзей, мартини и слежку за детьми на Фейсбуке? – Глория выудила мятую пачку сигарет «Американ Спирит» из горшка для домашних растений, щелкнула зажигалкой и неуверенно поднесла ее к сигарете.

– Вы курите?

– Нет. – Глория затянулась. – Это мужа. Кардиолог говорит, что его артерии можно прочистить только средством для прочистки труб, поэтому он делает вид, что бросил курить, а я делаю вид, что не знаю, где он прячет сигареты. – Она выпустила дым. – С тех пор я иногда балую себя.

– А если он увидит?

– Я сказала, что сегодня у нас дома проходит городское собрание, поэтому он не скоро появится. Я всегда это говорю, когда хочу пообщаться с девчонками наедине. – Она сощурилась, словно пыталась разглядеть ускользающее воспоминание. – Забавно... В те времена, когда Лео работал, я мечтала чаще видеть его дома. А сейчас, когда он на пенсии, я хочу, чтобы он реже появлялся. – Она засмеялась сама над собой. – Разве это не странно?

– Сколько у вас дочерей?

– Ни одной. Четыре сына. Младшему, Дэвиду, почти тридцать семь.

– Ой. Когда вы сказали «девчонки», я подумала...

– Я говорила о подругах. Те, с кем ты знакома со школы, всегда кажутся молодыми.

К дому подъехала машина. Хлопнули три двери.

– Легки на помине. – Глория затушила окурок о розовую щеку керамического садового гнома. – Подарок невестки Келси. Редкостная сучка. В любом случае, была рада познакомиться, Эм Джей.

– Я тоже, – искренне ответила Эм Джей. – О, Дэн принесет шезлонг, как только вернется после встречи с риелторами. Он планирует заняться медицинской практикой здесь и...

– Не беспокойся, это может подождать до завтра. А если он занят на выходных и не сможет вернуть его в ближайшие дни, то ничего страшного. Мой Лео часто работал по субботам, поэтому я всем говорила, что он стал раввином. Когда принесете, тогда и принесете.

Когда Глория ушла, Эм Джей попыталась представить, каково это взрослеть и стареть вместе с друзьями детства. Делиться воспоминаниями, иметь общие, никому больше не понятные шутки. Знать, кто въезжает на машине во двор, когда доживешь до возраста Глории. Эм Джей ничего не смогла представить.

Эм Джей собрала вещи и вернулась в дом.

– Мама, папа, Эйприл! – сказала она, закрыв глаза, и молитвенно сложила руки перед открытой дверью холодильника. – Я жду знак. Не обязательно явный. Любой, только бы он указал мне путь, ибо дела мои совсем плохи.

Раздался звонок в дверь. Она побежала ее открывать.

– Мэй-Джун Старк? – задал вопрос почтальон FedEx с таким видом, словно он принес повестку в суд, а не обычное письмо.

Сердце бешено застучало. Она кивнула.

– Это вам.

– Спасибо, Кёртис, – сказала она, расписываясь в получении. – Да, зови меня просто Эм Джей.

– Только если вы будете называть меня Нилом.

– Нил? Почему Нил?

– Потому что это меня так зовут. Кёртис работает в UPS.

– Верно, – пробормотала Эм Джей.

Ее семья, должно быть, в очередной раз умирает от смеха над ее глупостями.

Не закрывая дверь, она вскрыла конверт и прочитала вложенный документ. В одно мгновение он превратил скептически настроенную поклонницу спиритизма в женщину, поверившую в знаки.

Глава шестая

Перл-Бич, Калифорния.

Суббота, 21 мая. Полнолуние

Эм Джей непринужденно шла, покачивая бедрами, словно беспечная девица на прогулке в субботний полдень, и мерно помахивала бутылкой водки «Титос». Всем своим видом она олицетворяла провинциальную непосредственность и беззаботность. Однако сама она едва сдерживала желание развернуться и убежать домой.

Идея навестить соседей без предупреждения пришла в голову Дэну, который не оставлял попыток адаптировать Эм Джей к новой жизни раньше, чем он откроет клинику и будет целыми днями пропадать на работе. Но Эм Джей не могла свыкнуться с отведенной ей ролью незваного гостя. Ей нужно приглашение. Необязательно формальное. Достаточно понимания, что ей будут рады.

– Все местные так делают, – уверял ее Дэн. – Неприлично быть настолько высокомерной.

– Неприлично брать чужие шезлонги без разрешения.

– Тебе понадобится бутылка водки.

Этот визит дался бы намного проще, если бы Дэн пошел вместе с ней. Но он уехал на встречу с местным доктором, который выходил на пенсию и искал, кому передать дела. Так что Эм Джей придется исполнять роль первой леди и нести все тяготы светской жизни в одиночку. Или она идет в гости, или проведет еще один день на террасе, осуждая мамаш, разрешающих своим дочерям носить чересчур откровенные бикини.

– Приветствую, – сказал мужчина, находившийся в гараже Глории.

Он круговыми движениями смывал пену с капота своего клюквенно-красного «Астон Мартин», в углу рта он сжимал сигарету. Его седые, но по-мальчишески густые волосы были всклокочены, а кожа была бронзовой от загара. Он выглядел как истинный мачо из старых голливудских фильмов, несмотря на то что в гараже играла песня Барбары Стрейзанд «Stoney End».

– Мистер Голден?

Он выпрямился и расправил складки на одежде:

– Зовите меня просто Лео.

Эм Джей с облегчением выдохнула. Она еще не забыла, как назвала Нила Кёртисом, и была счастлива, что в этот раз не ошиблась.

– Я ваша соседка Эм Джей.

– Я уже догадался.

В темно-синих глазах Лео запрыгали веселые огоньки, и он так крепко пожал ее руку, словно они были знакомы тысячу лет. Затем, указывая сигаретой на выскальзывающую из потной ладони Эм Джей бутылку, он поинтересовался, не нужен ли ей стакан.

– Водка для вас с Глорией. От нас с Дэном. Спасибо, что не арестовали нас. – Она нервно хихикнула. Но почему? Эм Джей была взрослой, уверенной в себе женщиной, а Лео как минимум семьдесят лет. Тем не менее она смутилась, когда их взгляды встретились.

Она отошла на полшага назад.

– Дэн вернул шезлонг? Сегодня утром, прежде чем уехать на встречу? Не то чтобы он работал по субботам. Он не работает. Обычно... В любом случае он будет дома в три. Потом мы едем за диваном. – Окончательно смутившись, Эм Джей замотала головой.

Зачем она все это рассказывает? Она ведет себя как школьница, тайно влюбленная в учителя. Даже Лолита так не нервничала.

– Знаешь, кого ты мне напоминаешь? – спросил Лео. – Уменьшенную копию Эль Макферсон. Не могу сказать, что у тебя низкий рост...

Телефон Лео зазвонил. Он быстро взглянул на экран и снова переключился на Эм Джей, которая мечтала, чтобы на ней была менее откровенная одежда: длинное платье и сандалии «Birkenstock» вместо джинсовых шорт и короткой футболки, открывающей ее плоский живот.

– Глория дома?

– Она будет ровно через... – он посмотрел на телефон, – четыре минуты и шесть секунд.

– Уверены? Я могу вернуться чуть позже.

Лео ухмыльнулся, как будто вспомнил шутку:

– Конечно уверен. Эта женщина предупреждает меня за пять минут о своем приезде уже пятьдесят лет. Стоит поторопиться, если мы хотим...

– Хотим что?

Лео подошел к вырезанной из картона полноразмерной копии Марлона Брандо и извлек пачку сигарет «American Spirit», которая была спрятана за розочкой на лацкане смокинга.

Он прикурил две сигареты и одну из них предложил Эм Джей.

Хотя Эм Джей не курила, она взяла сигарету, чтобы хоть чем-то занять руки.

– Скажи мне, Эм Джей, ты актриса?

– Нет. Но совершенно очевидно, что ваша жена играла в кино.

Она указала на заднюю стену гаража, на которой ровными рядами висело несколько десятков портретов с автографами. Одри Хепбёрн, Миа Фарроу, Элвис, Фэй Дануэй, Джон Траволта, Джессика Ланге, Диана Росс, Голди Хоун, Харрисон Форд... Их было не менее тридцати, и все они посвящались Глории.

– Это я все привез, – сказал Лео с гордостью. – Я был продюсером на киностудии «Парамаунт» сорок восемь лет. В те времена, когда кино снимали люди, любившие кино. – Лео многозначительно затянулся сигаретой. – Сейчас продюсеры слишком оторвались от реальности. Готов поспорить, что они даже не смотрят свои фильмы. Что до меня, то я интересовался своей работой. – Он рассмеялся. – Чрезмерно интересовался, сказала бы Глория. – Его широкая улыбка медленно таяла и вскоре сменилась грустной и по-отечески доброй усмешкой. Он стряхнул пепел с сигареты. – Проследи за тем, чтобы у твоего бойфренда не выработалась привычка работать по выходным. От нее сложно избавиться, и, как большинство привычек, она рано или поздно заведет его в тупик.

Раздался звук автомобильного гудка.

Лео бросил окурок в пенную лужицу, оставшуюся после мойки. Он зашипел и погас. Затем Лео дал знак Эм Джей сделать тоже самое.

– Моя королева! – провозгласил он, пока Глория выходила из «мерседеса».

– Прибереги свое подхалимство для кардиолога, – ответила она, хлопая дверью. Ключ на ее шее неуклюже болтался в разные стороны, пока Глория шла им навстречу. – Тебе обязательно нужно показаться доктору Винтерсу в понедельник утром. В противном случае...

Лео обнял ее за тонкие плечи и крепко поцеловал в губы:

– Боже мой, как я соскучился.

Глория его шутливо оттолкнула:

– Я серьезно. Это серьезно...

Она резко взметнула бровь и уставилась на плавающие между его ног окурки.

Лео указал пальцем на Эм Джей:

– Это она.

Эм Джей захохотала. Именно так поступил бы ее отец. Глории, однако, было не до смеха.

– Звони доктору Винтерсу, – сказала она. Затем, резким движением головы приказала Эм Джей взять бутылку и следовать за ней в дом.

– Вот почему вы так молодо выглядите, – сказала Эм Джей, когда в прихожей ее обдало ледяным холодом. – Выставляете дома сверхнизкие температуры.

– За это надо поблагодарить Лео. Он говорит, его артритные дружки не заявляются к нам только из-за холода. – Глория подкрутила термостат, чтобы поднять температуру. – Ну а я говорю, что по этой причине перестала носить нижнее белье.

У Эм Джей неожиданно потеплело на душе.

– Вы с Лео действительно любите друг друга.

– Любовь, моя дорогая, никогда не была нашей проблемой.

В доме, который был таким же элегантным, как и сама Глория, витал сладковатый миндальный запах печенья «Макарон». Мягкая мебель, обитая белой тафтой, была стильной и удобной. Акцент сделан на классическое сочетание льна и золота. Однако при ближайшем рассмотрении можно было заметить фарфоровых обезьянок, зеркальную стену, бамбуковые торшеры и книгу «Пособие по хорошим манерам для современных женщин». Если даже такая стильная женщина, как Глория, игнорировала давно вышедшие из моды предметы интерьера, то что еще могла пропустить Эм Джей?

На кухне Глория прижала к холодильной дверце серебряный шейкер и ловко наполнила его выпадающими кубиками льда.

– Вот бы оттуда появлялся мартини, – засмеялась она. – Было бы неплохо.

– За новых соседей, – сказала Глория и резким движением подняла бокал.

В ответ Эм Джей подняла свой бокал и сделала несколько глотков: первый, чтобы коктейль не перелился через край; второй, чтобы восстановить утраченные навыки общения; третий, потому что мартини был смешан с водкой в идеальной пропорции.

Затем они принялись наперебой рассказывать друг другу о своей жизни, тщательно скрывая неловкие подробности.

– В твоём докторе есть что-то, – сказала Глория. – Уговорил тебя переехать из Нью-Йорка в Перл-Бич. – Повернувшись к окну над раковиной, она кивнула в

сторону сёрферов и прохожих, которые оживляли статичный пейзаж. – Тебе это место, вероятно, напоминает дом престарелых. Все катаются на электромобилях для гольфа. Рестораны закрываются в девять вечера. Бесконечные хлопки, издаваемые этими отвратительными резиновыми штуковинами. Кстати, как они называются?

– Шлепки, сланцы, флип-флопы.

– Точно! – Глория сделала небольшой глоток. – Моя подруга Марджори когда-то встречалась с французом по имени Филипп Фоллоп.

– Да ладно!

Глория подняла правую руку на уровень груди:

– Клянусь. Мягкий, дешевый и неустойчивый, как говорила Марджори, похож на сандалии.

Эм Джей засмеялась.

– Они уместны, только если у вас сломаны пальцы или сделан хороший педикюр, – сказала она, умалчивая о любви Дэна к «отвратительным резиновым штуковинам».

Глория чокнулась бокалом в знак согласия. Ее глаза перестали блестеть, и взгляд стал более интимным.

– Я восхищаюсь тобой.

Эм Джей опять засмеялась.

– Серьезно, – сказала Глория. – Я прожила в этом городе 72 года и ничего не меняла в своей жизни, кроме бытовой техники и цвета волос. Но ты... Ты сделала блестящую карьеру в самом невероятном городе на свете и потом легко отказалась от всего ради сонного городка и мужчины, с которым ты едва знакома. – Она наполнила опустевшие бокалы и с некоторым сожалением добавила: – У тебя есть мужество. Завидую.

– Спасибо, – сказала Эм Джей, поскольку Глория была не так уж далека от истины.

Эм Джей играла в студенческом театре. Она прыгала вниз головой с моста в Канкуне. Она даже принимала участие в акции «захвати Уолл-стрит». Ее вполне можно назвать смелой, но только с оговорками. Как же ей поступить? Рассказать всю правду? Признаться, что она не просто отказалась, а сбежала, как капризный ребенок? Нет, правда – не лучший способ произвести хорошее впечатление.

В то же время, если Эм Джей примет незаслуженную похвалу, она ничем не будет отличаться от трусливой и испорченной Лиз.

– Я оставила Нью-Йорк не потому, что я такая безрассудная и люблю приключения, – призналась Эм Джей. – Я уехала, потому что моя бывшая начальница отдала пятьдесят процентов обещанных мне ранее полномочий своей блистательной любовнице, и меня это взбесило. – Но оставалось кое-что еще. Это событие произошло менее чем сутки назад, но она не могла думать о чем-то другом. Водка, смешавшись с мартини, мечтала об этом поговорить. – Вчера я получила новое предложение от бывшей начальницы.

От удивления Глория приподняла бровь:

– Какое предложение?

– У меня достаточно много неиспользованных дней отпуска, чтобы отдохнуть до конца лета с сохранением зарплаты, поэтому она готова забыть о моем уходе, если...

– Если что?

– Если осенью я вернусь на работу.

– А как же ее веселая подружка?

Эм Джей теребила пальцами истрепавшуюся кромку своих шорт.

– Она остается.

– Тебя это устраивает?

Эм Джей вздохнула:

– Две недели назад я бы точно сказала, что нет. Но сейчас... – Закрытые веки Эм Джей подрагивали.

– Что говорит твой красавчик доктор?

– Он нашел почтовый конверт и выбросил его в мусор, а затем спросил, что моему бывшему боссу Гейл нужно от меня.

– И что ты ответила?

– Что это прощальные открытки от моих коллег. – Эм Джей приложила пальцы к вискам. – Я впервые соврала ему.

– Значит, ты приняла предложение?

Эм Джей пожала плечами. Она не подписывала контракт, но и не разрывала его. Она убрала его в один из чемоданов и завалила старыми кашемировыми свитерами, которые вполне могли пригодиться в ее новой жизни.

Глория взяла ее за руки:

– Нет ничего плохого в том, что тебя приглашают на работу.

– Я знаю, но мне следует рассказать об этом Дэну. Сегодня. После того как мы купим диван. – Эм Джей посмотрела на Глорию и нахмурилась. – Он гордится тем, что я заняла твердую позицию, ну и нам хорошо вместе.

– Не делай этого.

– Вы правы. Это жестоко. – Эм Джей потянулась за кошельком. – Я должна все честно рассказать прежде, чем мы поедem за диваном. Он не должен во мне сомневаться.

– Не делай этого.

– Что именно?

– Ничего не говори ему. Во всяком случае, раньше, чем купишь билеты и соберешь вещи.

– Но...

– Доверься мне. Подожди, пока не будешь уверена.

– Я не могу ждать. Гейл нужен ответ до конца июля.

– Он у тебя есть?

– Нет.

– Совершенно верно. Зачем тогда раскачивать лодку?

– Чтобы быть открытой и честной.

– Иногда честность приносит больше вреда, нежели ложь. То же самое касается открытости. – Глория наклонилась ее сторону: – Дорогая моя, ты думаешь мы с Лео 55 лет вместе благодаря открытости? Боже правый, да мы бы развелись через месяц в таком случае. Проблемы сначала надо обсудить с лучшими друзьями и только потом с Дэном.

– Но Дэн и есть мой лучший друг.

Глория стукнула кулаком по столу:

– Это уже проблема.

* * *

Оказывается, жизнь в роще Марипоса более насыщена, чем это думала Эм Джей до встречи с Глорией. Бугенвиллеи, пальмовые ветви, лимонные деревья, безоблачное небо... Появилось ощущение, что она смотрит на мир через волшебные очки. Пропитанные алкоголем чувства обострились, налитые кровью глаза от изумления расширились.

Спотыкаясь она побрела домой, размышляя о том, что скажет Дэн, когда увидит ее пьяной.

Неужели она не расскажет о предложении Гейл? Сможет ли? Честность в отношениях всегда была для них предметом гордости. Однажды они поклялись никогда не врать друг другу. Впрочем, технически это не ложь, а недомолвка. Ложь остра и резка, а недомолвка мягка и податлива. Она может пошатнуть доверие, но не разрушить его.

– Была рада познакомиться, Лео! – крикнула Эм Джей в сторону гаража.

Если бы он ответил, она бы его все равно не слышала из-за громко игравшей песни Барбары Стрейзанд «Time and Love».

Она снова обратилась к Лео.

Безрезультатно.

Возможно, он ушел на террасу или на пляж.

Но вода...

Если раньше она едва заметной струйкой вытекала на дорогу, то сейчас лилась ручьем.

Эм Джей сбросила обувь и пошла обратно к гаражу. Лео был там. Он сидел, опираясь на передний бампер своего «Астон Мартина», рядом от напора воды извивался шланг.

– Отличная новость. Нам не грозит засуха, – пошутила она. – Я хотела сказать, что о введении чрезвычайного положения в Калифорнии говорить еще рано.

Если Лео и оценил сарказм, то никак не отреагировал на него. Он продолжал сидеть; ноги широко расставлены, плечи опущены, подбородок прижат к груди.

– Не волнуйтесь. Я не буду писать жалобу, – сказала она, хотя Лео не проявлял никаких признаков беспокойства. Его рот был приоткрыт, морщины на лбу разгладились. Во всяком случае, он выглядел расслабленным, почти безмятежным.

– Эй! – Эм Джей слегка ткнула его рукой.

«Отвали, не видишь, я сплю», – казалось, ответил Лео, неловко заваливаясь боком прямо на грязный бетонный пол.

Глава седьмая

Перл-Бич.

Воскресенье, 29 мая. Убывающая луна

Порыв ледяного воздуха, который встретил Эм Джей во время прошлого визита в дом Голденов, сменился гробовой пеленой скорби.

В гостиной комнате раввин в окружении прихожан неразборчиво читал молитву, поэтому Эм Джей с Дэном, как вежливые зрители, опоздавшие на первый акт, ожидали у двери завершения обряда. Эм Джей при всем желании не смогла бы протиснуться к телу раньше.

Не важно, что она знала Лео всего несколько часов или что его смерть, хоть и внезапная, не была трагической. Она обнаружила его бездыханное тело. Она слышала первые жуткие крики Глории. Еще одна невосполнимая потеря. Само пребывание там разрывало ее незарастающую душевную рану.

– Я не умею это делать, – шепнула она Дэну.

Он склонил голову и начал бормотать слова молитвы вместе со всеми.

– Что случилось? Тебя хватил удар? – удивилась Эм Джей.

– Это иврит, – шепнул он, строго прикладывая указательный палец к губам Эм Джей, точно так, как делала ее мать, когда они с Эйприл хихикали в церкви. – Это молитва скорбящего.

От удивления Эм Джей едва не выронила из рук стеклянную форму для запекания. Дэн умеет молиться на иврите? Глория была права. Эм Джей живет с человеком, о котором ничего не знает: вполне возможно, у него есть жена и дети, или он связан с террористической организацией, или вообще не является человеком. Он может оказаться роботом, созданным в Стэнфорде для тестирования экспериментальных лекарств на одинокой девушке, внезапного исчезновения которой никто не заметит.

Дэн обнял Эм Джей за талию и притянул к себе. Кем бы он ни был, каковы бы ни были его намерения, этот простой жест развеял ее худшие сомнения и восстановил доверие. Кроме того, они живут по одному адресу всего несколько недель. Новые подробности рано или поздно всплывут сами по себе, верно?

Кто-то прикоснулся к ее плечу.

– Что это? – спросила женщина с обильно покрытыми лаком волосами, обнюхивая своим тонким носом завернутое в фольгу блюдо.

– Домашний чесночный хлеб, – соврала Эм Джей, выдавая купленный в ресторане «Мама Роза» хлеб за свой собственный.

– На поминках?

– Лео его очень любил, – сказал Дэн.

– Мой брат ел чеснок? С его-то желудком? – Она закатила свои серо-голубые глаза. – Неудивительно, что у него была гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь. Этот хлеб довел его до могилы.

Служба завершилась, и комната внезапно наполнилась звуками. Мужчины в костюмах сочувственно похлопывали друг друга по спине, а женщины, словно кто-то после паузы нажал кнопку воспроизведения, продолжили свои разговоры с того самого места, на котором остановились. Официанты разносили подносы с шампанским, а маленькие дети носились между ног. Глория находилась в центре событий и разговаривала с пожилой парочкой, которая легко бы подошла на роль «сексуально активных пенсионеров» в рекламном ролике. Судя по широкой улыбке, она еще не в полной мере осознала свою потерю. И не осознает. До тех пор, пока гости не разойдутся по домам и она не вернется к повседневной жизни, которая уже никогда не будет прежней. К жизни, в которой привычное станет чужим, а сама Глория будет бесцельно бродить по дому, недоумевающая, кто теперь застегнет ей молнию и поправит воротник.

– Почему мы вообще здесь оказались? – спросила Эм Джей. – Мы не были знакомы с Лео.

Дэн поцеловал ее в лоб:

– Потому что это важно.

– Кто сказал?

– Мое еврейское чувство вины.

– Это чувство твое или еврейское?

Он опустил повлажневшие глаза:

– И то и другое.

Эм Джей захотела обнять его, но этому помешало чертово блюдо.

– Дэн, ты ни в чем не виноват. Когда я его обнаружила было уже слишком поздно. Ты бы ничем не смог...

Он слабо улыбнулся:

– Ты тоже не виновата.

Эм Джей отвернулась. Рассказывала ли она Дэну о своей суеверии, что кто-то умирает каждый раз, когда она радуется жизни, или это совпадение? Я тоже не виновата? Что он имел в виду?

– Это значит, что нам нужен хороший терапевт. – Дэн подтолкнул ее вперед: – Пойдем. Думаю, их тут не менее дюжины.

К Эм Джей подлетел официант с пустым подносом.

– Если вы не против, то я отнесу это в зимний сад, – сказал он, протягивая руку к блюду. – На кухне нет свободного места, поэтому я могу нарезать хлеб там.

– Все в порядке, – сказала Эм Джей оттягивая неизбежный момент встречи с Глорией, который обещал быть крайне эмоциональным. – Я сама справлюсь.

– Превосходно, – ответил официант. – Чем быстрее, тем лучше, если вы не возражаете. Он отлично пахнет, но некоторые люди жалуются на запах. – Он наклонился к ее уху и шепнул краем рта: – Вы понимаете, каково им.

В зимнем саду, полном растений и отделенном от кухни стеклянной перегородкой, собрались гости. Мелькали бокалы с шампанским, звенели вилки, а старые знакомые приветствовали друг друга объятиями и громкими возгласами. Казалось, единственное, о чём они скорбели, так это об отсутствии вегетарианской еды.

– Доктор Хартвелл! – вскрикнула женщина. Она замахала загорелой негнущейся рукой. Ее густые, отброшенные назад черные волосы показались Эм Джей знакомыми. Возможно, она их видела в рекламе шампуня «TRESemme». – Это я. Бритт Райли.

По телу Эм Джей пробежали мурашки. Бритт была не моделью, а риелтором Дэна, которую она оскорбила заявлениями о риске грибковой инфекции из-за любви к лайкре. Сейчас на ее белоснежной блузке было пятно от горчицы, на которое Эм Джей старалась не смотреть.

Она небрежно развернулась к столу и принялась раздвигать тарелки с домашней лазаньей, запеканками и салатами, освобождая место для своего хлеба. Наконец она поставила его рядом с копченым лососем, но продолжала изображать занятость, чтобы не оборачиваться – во всяком случае, до тех пор, пока щеки не остынут, а сердце не перестанет настукивать азбукой Морзе слово «ужасно».

– Я занималась оформлением купли-продажи вашего коттеджа, – сказала Бритт Дэну. – Наверно, вы меня не узнали. Я недавно обрезала челку. – Она изобразила пальцами ножницы.

– Я узнал, – сказал он. – Меня сбило с толку обращение по фамилии. Обычно ты называла меня Дэном.

Бритт откинула волосы назад на двух стоящих сзади нее женщин и, нежно ткнув его большим пальцем, шепнула:

– Одиноким девушкам нравятся одинокие врачи. Можете за мной поухаживать.

– Не одинокий, – выпалила Эм Джей, забыв про местоимение.

– Это Эм Джей, – сказал Дэн, вовлекая ее в беседу. – Моя девушка. Несколько недель тому назад вы общались по Скайпу.

Ямочка на ее подбородке увеличивалась и уменьшалась, увеличивалась и уменьшалась, пока она пыталась сообразить, о чем идет речь. Затем ее светлоглазые глаза широко раскрылись.

– А, да.

– Я из Нью-Йорка, – пояснила Эм Джей вместо извинения. – Я не думала, что так можно одеваться, пока не переехала сюда. Прощу прощения, если обидела.

– Как одеваться? – спросила Бритт, наморщив лоб, которому не помешал бы ботокс.

– Ну ты знаешь...

– Не знаю.

– В спортивную одежду. Ньюйоркцы носят ее в тренажерном зале, а потом переодеваются. Впрочем, она мне нравится, – сказала Эм Джей, тщательно подбирая слова. – Я хотела сказать, что если есть возможность её снять...

Дэн прочистил и без того чистое горло.

– Вообще-то, я тоже из Нью-Йорка, – проговорила Бритт. – И я всегда носила спортивную одежду. Тысячи людей ее носят.

– Ты из Нью-Йорка? – удивилась Эм Джей, стараясь забыть все, что она думает о сторонницах рекламного слогана «Just Do It». Наконец-то она встретила человека, который поймет ее тоску по доставке еды на дом. – Из какого района?

– Бруклин.

– А там? Проспект-Хайтс, Парк-Слоуп?

– Флэтбуш.

Эм Джей хихикнула:

– Моя подружка называла свои лобковые волосы «Флэтбуш», когда снимала лосины. «Следующая остановка “Флэтбуш-авеню”», – говорила она голосом диктора метро.

– Бритт, – вмешался Дэн. – Откуда ты знаешь Лео?

– Муж много лет занимался благоустройством и озеленением их участка.

Эм Джей мельком взглянула на неухоженную виноградную лозу за окном.

– С тех пор прошло много времени, – сказала Бритт. – Пол очень занятой человек. Он где-то здесь, кстати. С удовольствием вас познакомлю.

– Вот она где! – Тощая, как палка, женщина подошла к Бритт; руки распахнуты для объятий, зубы профессионально отбелены. – Можешь бегать, но не можешь спрятаться, – закричала она, цитируя песню. – Этим летом никаких больше «нет». Ты вступаешь в наш городской пляжный клуб. Можешь мне поверить, твои дети будут в восторге.

– Мои дети уезжают в летний лагерь.

– Тогда в восторге будете вы с Полом.

Бритт посмотрела в сторону кухни, на которой лохматый мужчина ел куриные наггетсы из тарелки своей двенадцатилетней дочери:

– Возможно.

– Обещай подумать над моим предложением, хорошо? Бар полностью отремонтирован, библиотека переделана в студию для занятий йогой, и по-прежнему никаких туристов в округе.

Дэн ласково погладил волосы Эм Джей:

– Может быть, ты вступишь в клуб?

– Я?

– Хороший способ познакомиться с новыми людьми.

– Не очень, если любишь туристов, – ответила Эм Джей.

Дэн засмеялся.

Женщина быстрым оценивающим взглядом осмотрела черное платье-комбинацию Эм Джей:

– Вы местная?

– Да, – похвастался Дэн.

– Почему я вас не знаю?

– Я совсем недавно переехала.

– Из Нью-Йорка, – язвительно добавила Бритт, словно говоря: «Вы только посмотрите, что поймал наш котяра».

– Какое удачное совпадение, – сказала другая женщина. – На следующей неделе новые члены клуба собираются вместе пообедать. Я могу прислать приглашение, если вам это интересно.

– Было бы здорово, – сказал Дэн, прежде чем Эм Джей успела остановить его. – Мы живем в соседнем доме.

– Легко запомнить, – прыснула она от смеха. – Прошу прощения. Куда только подевались мои хорошие манеры? Я так расстроена смертью Лео, что совсем забыла представиться. Меня зовут Келси Пинсер-Голден. Я жена Майкла.

– Так это вы подарили Глории садового гнома? – спросила Эм Джей.

Келси подняла правую руку:

– Виновата! Вы не находите, что он ужасно забавный?

– Ужасно забавный, – согласилась Эм Джей, вспоминая следы от затушенных сигарет, похожие на пулевые отверстия. – Она его любит.

– Уф. – Келси провела рукой по своему широкому лбу, вытирая несуществующие капли пота. – Дело в том, что я заказала еще одного. Ну вы понимаете, чтобы

Глории не было так одиноко.

Эм Джей покручивала золотые обручальные кольца на большом пальце руки.

– Не сомневаюсь, что это поможет ей.

– Правда? – спросила Келси и переключила свое внимание на стол с едой. –
Пляжный сезон приближается, дамы! Я должна хорошенько поесть, прежде чем
сесть на диету. – Она взяла пустую тарелку и стала внимательно рассматривать
блюда с едой.

– Попробуйте мой хлеб, – сказала Эм Джей, желая порадовать Дэна своей
общительностью.

– Чеснок? – Келси от удивления подняла выщипанную бровь, разглядывая куски
хлеба. – Майкл только что похоронил своего отца, поэтому он вряд ли захочет
порезвиться сегодня ночью, согласна? – Она отщипнула небольшой кусочек,
проглотила его и замерла, словно дегустируя хорошее вино. Затем,
прищурившись, спросила: – Это из «Мамы Розы»?

– Как вы догадались?

– Круглая форма, обжаренный чеснок и настоящий пармезан, – ответила Келси. –
В маленьком городке сложно обвести кого-то вокруг пальца. – Она наклонила
тарелку сбрасывая хлеб обратно на поднос. – У них можно купить
безглютеновый хлеб. Ты знаешь об этом, верно?

– Ха! – Губы Бритт искривились в злобной усмешке. – У тебя наверняка есть
грибковая инфекция, если ты ешь обычный хлеб.

– Пойдем поздороваемся с Глорией, – сказал Дэн. На этот раз Эм Джей не
возражала.

Они нашли ее в гостиной. Глория сидела на диванчике между двух женщин и
просматривала свадебный фотоальбом. Вот молодой Лео слизывает глазурь с ее
пальца на свадебном банкете, вот счастливая пара едет с водителем на
принадлежащей студии «Парамаунт» машине для гольфа, на заднем бампере

которой закреплена табличка с надписью «Молодожены».

Глория разгладила прозрачную пленку, которая прижимала выцветшие фотографии к картонной странице, чтобы убрать пузырьки воздуха.

– Мы сделали это, любовь моя, – сказала она, плача и шмыгая носом.

Женщины сидели, плотно прижавшись к ней.

– Мы должны подойти к ней позже, – сказала Эм Джей, испытывая дискомфорт от того, что стала невольным свидетелем чужого горя.

Сама она терпеть не могла, когда кто-то видел ее слезы. Сочувствующие лица, печальные вздохи, слова поддержки – это все или почти все, на что способны окружающие. Но на самом деле они ни на что не способны. Поэтому Эм Джей всегда прекращала рыдать, чтобы ее оставили в покое. Только тогда, оставшись наедине с самой собой, она могла дать волю чувствам. С какой стати она должна мучить Глорию своим присутствием?

Но Дэн не испытывал никакого смущения или неудобства. Как врач, он прекрасно разбирался в таких ситуациях и умел чувствовать нужный момент.

– Я должен быть там ради него, – сказал он, решительно направляясь к женщинам.

Глория подняла заплаканные глаза и поддалась профессиональному объятию Дэна.

– Очень жаль, что меня не оказалось рядом, – сказал он, всей силой удерживая трясущуюся Глорию. – Очень, очень жаль.

– Разрыв аневризмы аорты, – сказала она, обращаясь к мокрому от слез пятну на его рубашке. – Сказали, что все произошло очень быстро. Ты бы ничем не смог помочь.

– Какие красивые цветы, – сказала почему-то Эм Джей, обнимая вдову.

– Ты рассказала Дэну о предложении Гейл? – шепнула ей в ухо Глория.

Эм Джей отрицательно помотала головой, удивленная тем, что она вспомнила про их маленький секрет в такой момент.

– Отлично. – Глория подмигнула и попросила своих подруг встать с дивана. – Эм Джей и Дэн, познакомьтесь с моими девочками.

Справа от нее стояла Лидди Хендерсон. Высокая и статная, с короткой прической пикси и в красных очках, она выглядела абсолютно серьезно и невозмутимо. Толстушка Дотти Кроуфорд была ее полной противоположностью. Одета в тунику и легинсы, она напоминала веселую бабушку, всегда готовую облизать уже пустую тарелку.

– За цветы отвечает Дотти, – сказала Глория. – Она работает флористом в гостинице «Majestic Resort».

– Вряд ли я задержусь там надолго, если не верну эти вазы, – сказала она, поправляя свое каре.

– Ты их украла? – спросила Лидди, нарочито ахнув.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/harrison_lizi/klub-lyubitel-nic-gryaznyh-knig

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)